

СМЕНА

12

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

год издания тридцать девятый

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

12

1962

О ТРУДЕ, ИС

КАНИИЯХ И МЕЧТАХ...

ЭТОТ СНИМОК БЫЛ СДЕЛАН НА XIV СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА во время одного из перерывов. В те солнечные апрельские дни во Дворце съездов происходило великое множество знакомств и встреч. Среди них и эта.

Перед вами шахтер из Краснодона и молодая ученая из Баян, секретарь далекого сибирского райкома, студент из Риги, поэт из Минска. Разные люди, разные судьбы, разные профессии... Однако это не помешало Ивану Лецинскому, Зарифе Алиевой, Тоне Скоырской, Альфреду Рубинсу и Геннадию Буравяну подружиться и, как говорят, быстро накинть общий узел. Ведь все они члены Ленинского союза молодежи, люди одного поколения — поколения строителей коммунизма.

В ту минуту, когда наш фотокорреспондент нажал на затвор своего фотоаппарата, за этим столом шел оживленный разговор. Собеседники рассказывали друг другу о своих впечатлениях — а их было так много в те незабываемые съездские дни! — делились мыслями о том, за что прежде всего возьмутся, вернувшись домой.

Разные планы у шахтера и поэта, секретаря райкома комсомола и молодого ученого-физика. Но за ними в тот погожий весенний день выдвинулось нечто большее, чем просто планы пятых делегатов съезда, — выдвинулись труд, поиск, вдохновение, упорство всей нашей молодежи...

Окончился съезд. Разъехались по домам его участники. А нам захотелось узнать: как живут сейчас наши знакомые? Ведь после съезда новые большие дела вошли в жизнь молодежи. Лучи «Комсомольского прожектора» беспощадно высвечивают недостатки, бичуют бюрократов, помогают выявлять неиспользованные резервы.

И вот в канун Дня советской молодежи группа корреспондентов нашего журнала отправилась в Сибирь, Прибалтику, на Украину, в Белоруссию и Азербайджан.

На следующих страницах мы печатаем рассказы о том, как живут и чем встречают Дель советской молодежи те, кого вы видите на этом снимке, кого познакомила и подружила наша родная Москва...

На снимке слева направо: Иван Лецинский, Дитонина Скоырская, Альфред Рубинс, Геннадий Буравян и Зарифа Алиева.

Фото Г. ДУБИНСКОГО.

комитета комсомольской организации совхоза.

А спустя немного времени, держа в руке яйцо, найденное в курятнике, Вениамин Худоржков задумчиво скавал:

— Не да, приспосабливать тут вроде нечего, а вот... Десятка! Пошарьте-ка кругом! Несушию-то у вас, кажется, не очень дисциплинированные.

По 113 яиц ежедневно давала ферма. А к вечеру того дня в сводке появилась цифра «180». Птичники озадаченно покачивали головами.

На следующий день ребята снова принялись за дело. Далеко от фермы, в кустарник, мелькали их согнутые спины. К вечеру в сводке стояла цифра «280!»

— Откуда столько! — с радостным удалением поинтересовался из дирекции совхоза. — Какие вы резервы так нашли!

— Очень простые, — ответила Люба Гутрова и засмеялась. — Искать нужно получше, вот и мы приспособились.

Так оказались резервы и на птицеферме.

Вскоре на очередном заседании бюро райкома был объявлен подод против беззащитности на всех фермах района. «Комсомольский прожектор» объявил ей беспощадную войну!

СОВМЕСТИЛИ

Не было трибуны, президиума и протокола этого собрания. Присев на ковчеге райкомовского мотоцикла, Тоня Скоырская сказала обступившим ее ребятам — механизаторам Кировского совхоза:

— Вот вы жалуетесь: скучно, знойной работы почти нет. А люди нам вот как нужны! Животноводам, сами знаете, как трудно: молодянку забойный угод необходим, а шкой мало.

— Значит, предлагаешь...

— Да, предлагаю.

— Задала ты нам задачу на три действия. — Лева Бухало сдвинул на затылок шапку. — Непривычно как-то, никогда так не делалось.

— Подумавши, неправично! — скавал Гимнадий Сидоров. — Гаврин в космос тоже без привычки летал... Ну что, будем решать! Мне лично эта идея нравится.

— Можно, — решительно кивнул немногословный Виттор Плоткин.

Это было прошлой осенью. А совсем недавно молодые механизаторы «советовали по совместительству, как называют себя Александр Скоырский, Павел Караводов, Люба Индрикова и их друзья» — передали союзному пастуху целое стадо молодянки.

Когда сдавали, называли: — Триста семидесять две головы тут, и скотом, бая, чтобы все было в ажуре. У нас за зиму ни один не погиб. Береги и ты, про- верить будем...

Стелется дым над полями

Уже под вечер синиок областной метеостанции приняла тревожную вест: «С севера полосу в тридцать пять километров нади-

ДОМ У ПЕРЕКРЕСТКА

Огромный разбросанный район. Маленький домик в центре Крутинки, куда сбгаются дороги и телефонные провода... А сходится ли здесь мысли и мечты двух тысяч ребят и двадцат с комсомольскими значками!..

Поздним вечером в небольшой комнате Крутинского райкома комсомола наконец становится тихо. Только что ушел второй секретарь Анатолий Кузнецов. Он заводит сейчас под оянами тмелый мотоцикл, колеса которого знают каждую выбоину всех дальних и ближних дорог. А мы с Тоней Скоырской ведем разговор о разнообразных райкомовских делах.

— Понимаете, — говорит девушка, — бывает иногда так, что нужно отодвинуть все это (она кивнула на бумаж, лежащие на столе), забыть о тучнике и посмотреть, не сбмившаяся ли в курс...

Почему такие мысли! Да был у меня тут как-то разговор с одним парнем из Красного Яра. Хороший парень, Иван Чистяков, догр. Посоветовала я ему вступить в комсомол. А он мне в ответ: «За предложение — спасибо, а вступить погожу. Разницы я пока не вижу — что комсомолец, а что нет. Работать — все работаем, а заседают — мало интерес, лучше книжку дома почитаю...» Вот я и думаю: не упускаю ли мы главное, если кто-то — пусть даже один человек — не видит разницы...

«Прожектор» включен

А с утра опять многолюдно и шумно в Крутинском райкоме комсомола Омской области. Сюда заходит по делам, посоветоваться

или просто так, «на огонек». Разгворы, рассказы, споры...

— Резервы, повышение производительности труда... Да какие у нас резервы! — Молодой парнишка, с виду недавний школьник, досадно махнул рукой, отошел к окну. — На заводе — другое дело: что-то усовершенствовал, что-то приспособил... А взять хотя бы птицеферму. Приспособления к несуксе не сделаешь.

— Ты в этом уверен! Что ж, давай возьмем птицеферму... Какую! Пусть для начала огулзную...

Через несколько дней группа ребят и девушек пришла на птичник огулзниковой птицефермы.

— Встречай гостей, хозяйка! — крикнула Саша Груздова, член

гаetas резкое похолодание. Температура в центре — до минус десяти градусов. Примите срочные меры для сохранения всходов...

Спустился час на ставанское ферму влетел райкомовский мотоцикл. Анатолий Кузнецов и инструктор райкома Николай Мартинов вбежали в избу Федора Ковалева, председателя районного совета молодых кукурузоводов:

— Заморозки! Быстро собирай ребят!

В вечерней полумгле заглопели двари, заехали встравоженные необычным оживлением дворовые собаки. Из домов выскочили, на ходу надевая ватники, люди. Воздух над дорозушкой всколыхнулся от рожота дух «ДТ-54».

Вскоре на краю кукурузного поля вспыхнул, освещая потные лица людей, первый костер. Белый дым от сырой соломой низко пополз над остывающей землей, укрывая ровные кукурузные всходы... Второй, третий, четвертый... А тракторы подожгли все новые и новые копны соломы, и все новые костры вспыхивали в морозной туманной дымке. Двадцать комсомольцев — вся организация фермы в полном составе — всю ночь поддерживали огонь, всю ночь горели костры над посевами комсомольской кукурузы. А утром, когда солнце разогнало свежий туман, усталая и шумная толпа с песней двинулась по деревне. Ружь — в ссадинах, лица — в копоти...

В ту ночь была соотрана не только кукуруза. Был отведен удар от комсомольского почина Федора Ковалева, который, несмотря на улыбочки скатников, азбука один — без прищипки — вырастить на каждом из грядкиста гектаров по триста центнеров зеленой массы. Побой мороз всходы — трудно было бы обмануть неверующим, что Федор во виноват. А сейчас пойдя на поле, полюбуйся. Вот она, кукуруза! Можешь даже пограть руками...

* * *

...Я бывал на многих фермах крутинских совхозов, разговаривал со многими ребятами и девушками об их делах и планах на будущее. И в поустававал: решение XIV съезда ВЛКСМ уже сейчас претворяется в жизнь.

А вечером, накануне моего отъезда, в райкоме облизнула дверь, и вошел невьяского роста пернишка.

— А, Иван Чистиков! Здравствуй, Касим ветров, тебя и не замаросило! Проездом! — приветствовала его Скосырская.

— Да нет, специально. Где попутной, где пешком...

— Зачем же это ты сьездает километров отмахал? Или дело есть?

— Есть.— Иван чуть смущенно улыбунулся.— Решил заявление подавать.

Тоня молчала, внимательно разглядывая знакомое лицо, точно впервые его увидела. И Иван, словно отчаялся на ее безмолвный вопрос, поднял спокойное обветренное лицо и тихо, но твердо сказал:

— Время сейчас такое... А я вот не комсомолец.— Неловко переложил ребятами.

...Стоит в центре Крутинки небольшой дом, дом, к которому сходятся не только дороги и телефонные провода...

НА ТРУДНОМ УСТУПЕ

Плоскость породы перед глазами была тускло-блестящей. Здесь можно лежать только вытянувшись, упираясь ногами в деревянные стойки. Порода под спиной, породе перед глазами.

«Та-та-та-та...» В щели зобов пунеметная трель молотка звучала глухо, будто придавленная трамвайными метрами, отделывающими Ивана Лещинского от поверхности земли. Да, сегодня его очередь работать здесь, на одиннадцатом уступе. Самый твердый уступ в лаве. Не уголь — алмаз. Рубашка изо всей силы, а двигаешься, как черепашка.

Двенадцать уступов в лаве, двенадцать забойщиков в бригаде... Сюда, в этот мир таящихся

Они спускаются сюда каждый день, освещая путь шестерскими лампами. Вот она, бригада Василия Прытыченко, — хозяин подземных богатств.

под землей штренок, мир угольных пластов, среди которых зыбко царствуют лампочки-глазки, бригада Василия Прытыченко спускается каждый день. И каждый день по очереди шахтеры распределяют между собой уступы. Достался тебе мягкий уступ — наворочаешь уголку кот нукал, и план выполнишь, и деньги заработаешь. Достался твердый — намывшись, натрудившись, а толку — на грош. Поэтому и принято было распределять уступы по очереди.

Но для бригады Притыченко твердые уступы не помеха. День за днем все больше и больше угля выдвигали на-гора: краснодонцы. И никто не удивился, что делегатом на XIV съезд комсомола молодежи Краснодона послала Ивана Лещинского — лучшего из лучших, забойщика из бригады Притыченко.

Вернулся Иван со съезда. Ребята тут же к нему:

— Ну, как? Что там, на съезде? Как отзываются о нашей шахтерской работе?

— Хорошо отзываются, хлопцы! — уверенно сказал Иван. — И мы должны доказать, что можем работать еще лучше.

Утром они спустились в шахту. Доказывать.

Думаете, просто это было — доказать?

Главное, когда идешь в забой, знать, что не подведет сосед. А тут...

Подвел один молодой парнишка. Достался ему трудный, «твердый» уступ. Показалирл он немного, для виду, бросил и полез отдыхать. Думал он так: «Ладно, сегодня похалтурю, зато уж завтра в мягком забое отыграюсь».

Вряд ли кто позавидовал бы парню в тот вечер. Ребята, правда, ничего ему не сказали. Они просто молчали. Уже потом, когда все было забыто, паренек признался, чем для него было это молчанье:

— Лучше б уж отругали, и то легче было бы...

Шахтеры говорят: дружба должна быть крепкой, как костер. Не удивляйтесь. «Кострами» в шахте называются особым образом спожженные крелы из бревен, держащие на себе многометровую земную толщу.

...Пулеветная трель отбойного молотка стучит приглушенно, будто придавленная трамвайная мотов порода. Да, именно сознание того, что он работает для ребят, для всей бригады, для общего дела, будоражит силы Ивана Лещинского, заставляет крепче держать отбойный молоток...

Когда Лещинский, вернувшись с XIV съезда комсомола, пришел на родную шахту, ребята его бригады только что вышли из забоя. И первое, о чем они его спросили, было:

— Ну как, Иван? Что говорят о нас, шахтерах?

Здесь, в самом твердом уступе, руками Ивана Лещинского решается судьба сменного задания.

— Уголен? Мы-то его дадим, только вы не подкачайте! — звонит наверх забойщик молодой бригады. От бесперебойного снабжения поршняком, крепью и другими необходимыми материалами, которые шлет в шахту «земля», зависит успешная работа забойщиков.

В этот день не случилось ничего особенного. Это был самый обычный день. Мы просто сфотографировали за Альфредом Рубинсом с бланкетом и фотоаппаратом.

Теле в комитете со вчерашнего вечера лежала записка. Как ровным почерком адрес: «Секретарию комитета ВЛКСМ политехнического института Альфреда Рубинсу». Ниже пять фамилий.

Собственно говоря, все это произошло на глазах у Альфреда. Студенты, значащиеся в списке, вчера отказались ехать по распределению. По сравнению с двухтысячным коллективом их было совсем немного, горсточка. Но все равно это имело значение. Людям, видимо, как-то неправильно представляли себе будущую профессию или, может, вообще не думали о ней серьезно, если при первом же испытании от нас отскочили. Есть ведь такие, что делают жизнь на совершенно независимые друг от друга отрезки, не заботясь о том, что получится в результате, сначала школьник, потом студент, потом еще кто-то.

и «Рига аудис», автоматы для «Латвэнерго». Студенческое конструкторское бюро стало популярным не только в Риге. Онуцес забегал в комитет, чтобы выяснить, как обстоят дела с поездкой их делегации в ГДР, на студенческую научную конференцию.

За таких, как Онуцес, Альфред был уверен, можно не беспокоиться. Эти знают, чего от них ждут, и предложение распределительной комиссии не заставит их врасплох. Хорошо было бы, конечно, авиасты для всех предварительное распределение, чтобы студенты уже, скажем, с третьего курса знали, куда их направят после вручения диплома. Тогда наверняка не будет списков, подобию тому, о котором говорилось вначале.

После беседы с Онуцесом Рубинс был испытан на РЭЗ — посмотреть, как чувствуют там себя студенты. В заводоуправлении Альфред заметил знакомую фигуру. Ивана Фигуря не оставил. Очевидно, по расseyанности. Это Улдас Браканис, или Жак Паганель, как зовут его между со-

Минелс Бичевский, Альфред Рубинс и Айнис Купч в машинной цехе РЭЗ.

ОДИН ДЕНЬ

Собрание у «автоматчиков» было горячее.

У самого Альфреда было иначе, во всяком случае, он твердо знал, чего хочет. Школа, техникум, Рижский электромашиностроительный завод, армия, потом снова завод и снова учеба: он стал студентом-вечерником политехнического института. К этому времени Альфред твердо решил стать инженером-механиком и никак больше.

У многих, конечно, путь к профессии бывает и легче и неопределенней. Некоторые, дойдя до четвертого курса, так толком и не знают, кого из них готовят. Хорошо, что сейчас в вузах делается много, чтобы студенты как можно раньше осознали себя инженерами. Не просто учащимися, но творцами каких-то конкретных ценностей. Альфред понимал, что способствовать укреплению этих связей с производством — его первый долг.

До начала лекций в комитет забегал Евгений Онуцес, невысокий блондин с электроинженерского, руководивший у себя на факультете студенческим конструкторским бюро. Бюро получило уже больше десятка серьезных заказов от разных предприятий, от Академии наук, от «Латвэнерго». И результаты уже налицо. Студенты помогли рабочим фабрики «Фигурис» избавиться от электростатических зарядов, возникающих при обработке древесины. Осветили институтский коток, теннисные корты, столовую. Сейчас проектируется специальная электромагнитная муфта для новой лебедки, кабельная сеть для фабрики

бой друзей. Вот уже полгода он штатный инженер завода, хотя диплома еще не получил. Улдас с первых курсов был известен тем, что в любом вопросе докапывался до первооснов. Как-то в курсовой работе, рассчитывая максимальную мощность районной электростанции, Браканис тщательно изучил расход воды в местной реке за последние... двадцать лет. Это было настоящее научное исследование. На РЭЗе «Паганель заметил еще с преддипломной практики и пригласил в конструкторское бюро. Сейчас Браканис переворотил библиотеку, готовя диплом по проекту «Обустройство электропругозучка». Его руководитель инженер Хромушкин говорит, что дипломная работа Браканиса представляет большой интерес и, очевидно, ляжет в основу нового типа электропругозучка. Сейчас в политехническом институте большая часть диплома делается именно так, как у Браканиса, — по заказу предприятий...

Первокурсники работали сосредоточенно, в обычных студенческих цехах и корпусах. Мастера были довольны студентами: сообразительными и старались. Студенты тоже, в общем, не жаловались. Подключить станок, сделать деталь — для будущего инженера это и полезно и интересно. Но одно обстоятельство сильно беспо-

кноло и прошедшего уже трудовую школу Купча и вчерашнего десятиклассника Бичевского: не было у них настоящей внутренней связи с заводом. Вроде бы и от своих отставил и к чужим не пристал. Дело в том, что производственная практика порою плохо увязывается с учебной программой. И практиканты, не принося большой пользы заводу, в то же время много успевают в учебе. Альфред помнил в записной книжке: «Еще раз поговорить в деканате». Как раз на прошлом заседании комитета он предложил добиться более тесной связи между учебным процессом и практикой на заводе. И он это сделал.

В четыре часа Рубинс был уже на факультете автоматики и вычислительной техники — в пред-

ставительном здании на Аусекля, 9.

Собрание факультета было бурное, хотя сессия уже изрядно вытупила и убаюлила лица. Учитель решения XIV съезда комсомола, автоматника выработавшая, как и механики, и химии, и строители, общественный договор с профсоюзами предприятия. Студенты хотят не только обмениваться знаниями с заводскими комсомольцами, но и устраивать совместные вечера, спортивные встречи, создавать на заводах группы по подготовке рабочих в вуз.

Разошлись только вечером. Бульвар Падомью брелест до дождя. Альфред и не заметил, что днем шел дождь.

День кончился. И прошел он неплохо...

С ПОСЕЛЕНИЕМ ТЕБЯ, ЗАРИФА!

Вернувшись со съезда комсомола в Баку, кандидат физико-математических наук Зарифа Алиязрова попала на новоселье: Институт физики Академии наук Азербайджанской ССР, в котором она работает старшим научным сотрудником, переехал в специально для него возведенное здание в Агдамгородке — новом, обширном районе Баку, расположенном на горе, над городом.

На широкой лестнице возгласил на азербайджанском языке переплетелась с русским: «Раз-два, аэлли...». Еще раз!.. Тщательную работу с радиоактивными изотопами.

Зарифу не удавалось, что вместе с грузчиками усердствовали и научные сотрудники. Энтузиазм, вызванный переездом, возможностью, которые открывались для расширения научных работ, охватил всех молодых ученых — а здесь трудятся главным образом молодежь. Все началось в скором времени с оборудования, чтобы продолжить прерванные исследования.

В своей лаборатории она застала местный наведенный, приближенный порядок — ровно настолько, чтобы можно было хотя бы на первых порах работать. Пристроились на краешке стола, старого аппарата Зарифа вместе со своими сотрудниками начала приводить в порядок записки, начатые еще на прежнем месте.

Над чем же работает Зарифа и ее многочисленные друзья по институту?

Основная задача азербайджанских физиков — разработка научных проблем, связанных с полупроводниками, с их продвижением в практику, с перспективами их применения в науке и технике, с открытием новых полупроводниковых материалов. Можно без преувеличения сказать: проблема животрепещущая и в науке и в жизни. И это само по себе обязывает многих.

Области применения полупроводников и в народном хозяйстве и в исследовательских работах расширяются. Полупроводниковый прибор становится все больше и больше. Для изготовления полупроводников сейчас применяются дорогие материалы. Одна из задач — замена синтетических материалов природными, дешевыми. Сотрудники лаборатории физики полупроводников успешно решают ее. Ими найдены материалы, применение которых в некоторых приборах снижает их стоимость в сто раз!

В этой же лаборатории впервые в мире получены крупные монокристаллы двух новых полупроводниковых веществ. Ведутся исследования двойных и тройных полупроводниковых соединений, разрабатываются методы их получения. Молодые ученые Вадим Аютонов и Рагим Нани получили несколько тройных полупроводников. Из исследования открывают новые, неизвестные до сих пор области применения полупроводников, новые их возможности, которые не обладают широко распространенные, дорогостоящие монокристаллы очень высокой степени чистоты, также, как германий и кремний.

Но еще более интересными и захватывающими по своим перспективам является исследование полупроводниковых пленок.

Президент Академии наук СССР Мстислав Всеволодович Келдыш, выступая на XXII съезде КПСС, говорил: «В настоящее время усилия ученых и инженеров направлены на миниатюризацию электронных приборов и устройств, на повышение их надежности путем применения очень тонких кристаллических пленок, что приводит к всестороннему улучшению экономичности приборов».

Как это выглядит? Что дают пленки науке! На такие вопросы руководитель лаборатории электрографии Гусейн Ахмедович Эфендиев отвечает очень образно:

— Представьте себе современную электронно-счетную машину, занимающую большие залы. Так вот, такое же полупроводниковое устройство, работающее на пленках, уместится в дорожном чемодане. Нетрудно представить, насколько это важно хотя бы для космических кораблей, где приборы должны быть не только экономичными и надежными, но и очень маленькими и легкими.

Какова структура атомов в кристаллической решетке, как идут процессы прерывания в тонких слоях полупроводников (толщина которых, кстати, менее одного микрона)? Эти теоретические вопросы, выяснением которых заняты молодые ученые лаборатории Фуад Султанов, Рафин Шафи-заде, Ирина Иванова, Мария Казанец, Рахиз Исмаилов, имеют прямое отношение и к технологии производства пленок, и к изготовлению их по нужной, заданной программе, и к выявлению новых возможностей пленочных полупроводников.

Для своих исследований азербайджанские ученые впервые в нашей стране разработали и применили метод кинематической электрографии, то есть непрерывную съемку физических процессов, протекающих в пленке, на движущуюся фотопластину. Это дает несравненно более полную картину всех процессов, происходящих в тонких слоях, и значительно ускоряет исследования.

Интересно отметить, что большинство работ Института физики имеет, помимо чисто теоретического, и непосредственное практическое значение, переходит из рук ученых прямо в производство. К числу таких работ относятся и исследования в лаборатории Зарифы Алиязровой.

Воспитанница Бакинского университета и затем аспиранты Института физики, Зарифа посвятила себя новой области знаний —

полупроводникам. Ее исследования селевых выпрямителей только в сварочной технике позволят сэкономить несколько сотен тысяч рублей в год.

Перечень интереснейших исследований, ведущихся в стенах Института физики, молодежи которого была удостоена чести послать своего делегата в Москву, на всесоюзный форум молодых строителей коммунизма, не укладывается в короткий репортаж. Сами молодые исследователи не раз рассказывали о своих успехах с трибуны международных конгрессов в

Софии и Бухаресте, Париже, Нью-Йорке и Вашингтоне.

— А сейчас мы готовимся к конференции по полупроводникам в Лондоне, — с гордостью сообщает нам на прощание Зарифа. — Там будут представлены два наших доклада, авторы которых молодые научные сотрудники Гурбат Ахундов, Махира Алиева, Гасан Гусейнов и Рашид Мелихан в лаборатории физики полупроводников, Алигушой Кулиев, Эмин Шахтахтинский и Волода Тарнов из изотопной лаборатории. Это их подарок институту на новоселье!

Физический прибор торжественно через лабораторный подъезд нового здания института.

Зарифа Алиязрова и ее помощница Эльмира Ахундова налаживают новый электронный микроскоп.

“МЕЧТА” ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ

Рассказывает
Геннадий Буравкин

Нам в городе давно не хватало студенческого клуба, клуба дискуссий, клуба интересных встреч, куда обязательно хотелось бы прийти... И вот такой клуб наконец появился. Называется он «Мечта». Это название выбрано не случайно. Клуб объединяет студентов одиннадцати вузов Минска. Будущие физики и медики, педагоги и химики, тракторостроители и товароведы, художники и актеры, композиторы и филологи — интересы, как видите, довольно разные, но всех объединяет одно — ребята любят мечтать. И пусть рядом с мечтой лирика в звездные дали летит мечта физика. Это же здорово!

В совете клуба у нас полнейшее взаимопонимание между черноглазым математиком Людой Инюскиной и порывистым литфаквецем Роландом Букенгельцем. Оба они страстно любят хорошие

На открытии клуба свое мастерство показали студенты Белорусского политехнического института. Вы видите фрагменты из танцевальной сюиты «За мир и дружбу». Солистка — Валентина Федотова.

← Без танцев не обходится ни один вечер отдыха.

Скульптура «И звезды» и ее автор — студент Борис Маринов. →

А это мечты и фантазия наших художников.

Звезда Лебедева больше всего любит музыку.

Вот они, творцы, мечтатели, романтики, их интересует все — и искусство и искусство...

стихи и с упоением спорят о космических скоростях и электронных машинах.

Очень досадно, что некоторые писатели вводят в свои романы образ комсомольского работника — этакго начинающего Борократы. Познакомить бы такого писателя с нашим Толей, заведующим отделом обкома комсомола! Спортсмен, журналист, он один из самых беспокойных наших «мечтателей». Ведь именно по его инициативе был организован этот клуб. И Толя хорошо знает, что мечта (и клуб тоже) дается нелегко.

А возглавляет совет клуба Любовь... Любовь Суринович из политинического института. И хотя Любовь — это имя нашей спокойной и вдумчивой Любы, но мы не сомневаемся, что в «Мечту» обязательно войдет и настоящая любовь...

А пока... Пока клуб набирает силы. Уже создано литературное объединение «мечтателей», собираются кинолюбители, объявлены конкурсы на лучшую поэзию и стихи о студентах, уже хочется поспорить о герое нашего времени, встретиться с рабочими минских заводов и белорусскими поэтами.

Плясучи и певцы мечтают создать городской студенческий ансамбль... И пусть это пока что мечты, но мы знаем, что мечты у нас обязательно сбываются.

Разные люди, разные судьбы, разные дела прошли перед тобой, читатель. Но их объединяет одна общая цель — цель, которую поставила перед комсомолом партия. И, вглядываясь в дела нашей молодежи, присматриваясь к ее поступкам, мечтам и свершениям, ясно видишь одно: в разных условиях нашей необъятной страны, в цехах и шахтах, в научных лабораториях, на фермах и в сту-

денческих аудиториях — словом, везде, на любом участке юности нашей страны делает все, чтобы как можно скорей осуществить планы, намеченные XII съездом КПСС.

Таков он, сегодняшний день нашей молодежи, принявшей революционную эстафету от своих отцов и с мужеством несущей ее по пути, намеченному партии.

Репортаж подготовлен специальными корреспондентами «Смены» В. Левашовым, А. Ромовым, Т. Илатовской, В. Сажиным. Фото А. Канашевича, В. Мишина, Г. Дубинского, В. Сакка.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПОЭТОМ

Петр ВЕГИН

В стихах Петра Вегина можно обнаружить немало шероховатостей, свойственных большому поэту. Но мне приятно познакомиться с читателями с молодым поэтом, ищущим героев для своих стихов в забоях, где «огоньки шахтерских лампочек горят согревающим за спиной», и в пролукх тужежаны метелями палящих развечков и строителей. В реальсх, проложенных девятиками через гебры, поэт увидал чуже первых строчки биографичи совсем неравных ученых. Чтобы так уверять, вероятно, недостойно быти только приписанным к поколению двадцатилетних, пробивающих новые пути, но и не раз поест с ними дымную кашу из одного котелка после трудного рабочего дня.

И в самом деле, за свои 23 года Петр Вегин успел многое повидать: он работал слесарем на заводе в Ростове, убирал хлеб на целине, шел вместе с топографами по тужежым тропам, рыскал в Азовском море.

Молодой поэт сверяет шаг своих ровесников с трудным и высоким погвитом старшего поколения. В одном из стихотворений он мечтает о том, чтоб любимая ждала и печетывала его письма с нетерпением солдатки:

...чтоб ты от радости заплакала
и то письмом,
ломаясь в кровать,
у сердца,
как солдатка, спрятала,
чтоб утром вновь печетывать...

Многие поэты моего поколения попросились бы, видимо, под таким сравнением. Жена Петра Вегина доброго пути, хочется, чтобы свою задиристую уверенность способный молодой поэт утвердил в жизненном походе и строчками и делами.

Борис ШАХОВСКИЙ

ИЗ НОВОЙ КНИГИ СТИХОВ

Я уезжаю под Воронеж,
А над тобой, а над тобой
кудачет тетка: «Проворошишь
свою судьбу.
Не будь дурной —
уговори, пуская останется,
уговори любой ценой...»
И ты бежишь, бежишь на станцию
слезы первый майский дождь за мной.
Разломом распахивайшь дверь.
Лицо в слезах.
Расплетут плещ.
Но ты не плачь,
не плачь,
не плачь,
я,
как Москва, слезам не верю!
Я еду, еду под Воронеж!
Но где-то там, среди дубрав
весною черные воронья
мне будут каркать,
что не прав,
и что я тогда на мокрых стебках
совсем не то тебе шлал
и надселялся вместе с теткой
над тем, о чем я сам мечтал.
И ночью черною, воронья
я вдруг войну, что той весной
не ты меня —
я проворонил
тебя, но повзную мной.
И станет забько, словно в тулдре.
И мне захочется, захочется,
чтобы письмо, захочется,
как белый турман,
в твое валегао одиночество,
чтоб ты от радости заплакала
и то письмо,
ложась в кровать,
у сердца,
как солдатка, спрятала,
чтоб утром вновь печетывать,
чтоб шла туда,
где русый, воламый
песок хранит следы мон,
чтоб алаясь,
золотого Волога
на плечи волосы твои...

Колесниковские песни

Старый мастер
уж целый год, как на пенсиях.
Он о Конго читает,
вспоминает о ком-то.
Но приходит к нему комсомольские песни,
и тогда,
говоря об событиях в Конго,
он идет в свою комнату,
достает из комода
краснозвездный буденновский шлем
помкоморты,
перед зеркалом тусклым его надевает,
и заполаоса песни
тех времен напевает,
и друзей вспоминает,
и не замечает,
что жена его смотрит,
головико качает,
что она надевает передник сатиновый,
и на кухню идет —
в парство жарких борщей,
и берет голубую коробку с сардинами,
но толчас забывает,
завывает о ней.
Перед нею встает
стель донская ковыльная.
Распластала костер пятналою звездой.
И, насыпав овса тонковогим кобылам,
у костра ковырмайд садится гурбой.
И она запевае, запевае отрядную,
всими знаему,
отрядную.
Запевае, выводит,
и не замечает,
что и впряду она песню ту запевае,
что катриала клочокот от большого огня...
И поет эта женщина,
голосико кивает,
и в окно долго-долго глядит на меня...

Старшие братья

Если бы я
достал живой воды,
я нашел бы ваши следы,
я дошел бы до ваших моты,
нас живою водой оросил.
Мне нужно чистоте вашей руки,
ваше наугустине
моим желаньям.
Но где та река? Нет той реки,
в которой вода живая!
И вы легките под обелскими
на сельском кладбище
и каляются вам с аккуратными крестами,
низко-низко
чешские березы,
словацкие крестьяне.
Но за полночь,
когда гаснут окна уставиен,
на западных, на далеких границах
встают и выходят ко мне из гранита
лейтенанты маадине —
братья старшие.
Они встанут как будто по тренове,
они перепалывают ночью Дни
и влодят тихо,
чтоб не потревожить
моих сестренко мирный,
мирный сон.
Они поблекшими медалями звенят,
ко мне подходят и в глаза мои глядят,
как будто бы
мне спросить хотят,
достойн ли я звания
Старший Брат...

Прощание с парусами

Вам больше не сгибать дугою рен
и гитцей чернокрылаю
не рвать
над стей белобрывных бурнов.
Вас глэдая рыбацки не заметат.
Заманят вас,
навесно вас заменят
гудение и мерный шум винтов.
А было,
ветер рвал тугие снасти,
и полночь
молнии распыхивали
настежь.
А вы нас вырчали, паруса,
смысленые тугие паруса.

На вас заплаты,
как мозоли на ладонях
от молота иль кованой косы.
Мы были с вами
и на далеких томах
и бедовыи у Кривой косы,
смысленые тугие паруса.
Мы друг от друга отвеим глаза.
Мы друг на друга не глядим,
молчим.
И перед вами —
честными и верными,
встрями, словно слово, овеничаны,
мы,
как солдаты перед знаменем,
стоим.

Святославич, Наташа и счастье

Поезда бывают товарные пассажирские, скорые... Правда, есть еще экспрессы, но это для тех, кто очень спешит. А если тебе некогда спешить и никто тебя не ждет, удобен, конечно, и неторопливый пассажирский. Мимо проносятся цинкобелые скорые поезда, их уносит в темноту электричество, и колеса, выстукивая веселую дробь, подраивывают: «До-то-ни, до-то-ни!» Куда там — догнать! Поезд тащится, спотыкаясь на стыках, вагоны вздрагивают и, вращаясь покрываясь, останавливаются, как говорится, у каждой будки.

Наташе тоже спешить некогда: никто ее не ждет, — и, забившись в уголок возле окна, она думает, думает.

Что это? Романтика? Да нет, какая там романтика! Романтика — это когда едешь в убранных кузовом поездах, когда гремит на вокзалах оркестры, когда вокруг сибирские кедры или ковыльные степи, когда нужно ставить пакетики или прокладывать проску и ихожжевой тайге. А тут — едет девчушка Маленькая, с виду совсем школьница, едет из Москвы, где оставшая подруга и вуз с таким значительным названием — Московская ордена Ленина сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева, а куда едет, и сама еще не знает.

Что это? Спорство? Нет. Отвечь уже серьезные были споры там, в общежитии. Спорили о прилавках, о любви к земле, о деревне, о том, кем быть: агрономом или чиновником в каком-нибудь учреждении.

Заводилой в этих спорах была Лена — высокая, со строгим взглядом. Она была справедливой, сдержанной, признавала ее авторитет, и Наташа даже считала ее своей лучшей подругой.

Может, для того, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность в этих спорах, Лена больше других доводила Наташу.

— Нет, ты посмотри на себя, — говорила она, подводя Наташу к зеркальному шкафу. — Ведь ты похожа на кого угодно: на медичку, лешечку, мавшикорну, кассирину, но только не на агронома. Постарайся взглянуть на поля во этой стальной юбочке! Да в таком виде не только в поле, в клубе сельском на танцах появиться нельзя... А уж без танцев ты в деревне совсем пропадешь... — заканчивала Лена.

Танцевать Наташа и вправду очень любила. И, наверное, Лена была права, потому что из зеркала на Наташу растерянно смотрела хрупкая девочка с модным козыком на высоком откромке лбу. Если верить мальчишам-одноклассникам, девочка была ничто-то, во всяком случае, в партнерях по танцам у нее недостатка не было, но вот представить такого агронома в поле...

Девочка смеялась, а Наташа угрюмо встряхивала головой и бросалась в атаку:

— Значит, по-твоему, агроном должен быть в подвале, в сапогах до пояса и в навозе по коленки. Ну, хорошо, хорошо... надеву я телогрейку, сапожки, пальтоком повяжусь... но ведь не в этом главное! Что ты нас утрапекаешь все время: городские, городские!.. Тебя послушать, зотопенником может быть только тот, кто с детства пил парное молоко, а агрономом — тот, кто поела морковку. А я вот хоть и в городе выросла и бошikom мне по асфальту ходить не разрешили, я деревню не меньше, чем ты, люблю. И не за то, что там по вечерам сеном пахнет, а за то, что я ей нужна... И моя деревня не может ждать еще три года, пока я академичку кончу, а ей сейчас нужна, сегодня же, и ей все равно, в чем я приеду — в узкой юбке или в резиновых сапогах.

Откуда вылезло решение уехать? Видно, оно, как зерно влагой, питалось спорами в общежитии, разбухало и вот однажды раскрылось и вытянуло к свету колосчик и упрямое: уходи! Нужно проветреть: а вдруг Лена права и деревня не для нее и она не для деревни? И, боясь передумать, боясь, что будет отговаривать подруги, боясь самой себя, Наташа уехала из утокхоз, где проходила практику ее группа.

В коридорах академии было по-летнему прохладно и гулко. А за окном веселым прибоем плескалась Москва. Наташа любила этот городской шум, запах бензина и нагретого асфальта, весело томящего на улицах.

Прийдет еще год, другой, третий, и ей придется уехать в деревню.

Деревня... Ее она тоже любила и не боялась оставить все то, чем была для нее город, — но не сейчас, а когда-нибудь. Через год, два, три.

Наташа заглянула окно и, еще громче стуча каблучками, толкнула дверь в деканат.

Декан был один. Он сидел за столом и что-то

писал. Пиджак его висел на спинке стула, воротник рубашки был расстегнут. Было странно видеть его без пиджака: декан был человеком педантичным, аккуратным, всегда застегнутым на все пуговицы.

Имя у декана было деликатное: Серафим Святозорович, а студенты для краткости звали его Святосымичем.

Он не слышал, как открылась дверь, а Наташа, не решаясь больше стучать каблучками, на цыпочках подошла к столу и тихонько сказала:

— Серафим Святозорович, я к вам.

Декан вскопич, каким-то неуловимо тонким движением откинул галстук, надел пиджак и указал Наташе на стул:

— Садитесь, товарищ Лебедева, прошу вас... — Память у него была великолепная. Студентов всех пяти курсов он помнил по фамилиям. — Почему вы не в утокхоз? Что-нибудь случилось?

— Ничего, — ответила Наташа. — Я уезжаю.

— Позвольте узнать, куда?

— Я еще не решила. Наверное, к тетке в деревню.

— Но ведь вы не закончили практику!

— Это неважно, Серафим Святозорович. Я решила уйти из академии.

Декан снял пенсис и устало посмотрел на Наташу. А она, сбиваясь и подыскивая слова, говорила о том, что не давало ей покоя: она не уверена, по той ли дороге идет, и должна немедленно это проверить. Она пыталась рассказать о своих спорах с подругами и видела, что декан ее не понимает. Она говорила, что деревня не может ждать, ей нужны агронома годика, а время идет так медленно и до окончания еще целых три года...

— Простите, может быть это вне моей компетенции. — начал декан. Он ее так и не понял.

Наташа сердито молчала, а потом сказала, что идет в общежитие собирать вещи, а за справкой придет позднее.

Пряча в общежитии, она выбросила из чемодана все, кроме самого необходимого и учебников. Схватывая горкой сложная на подстиле и старую пологую занавеску:

«Девочка! Уезжай в деревню. Навосем. Ждите насем. Ваши приплетте позднее».

Она присела на кровать на минуту перед доргой и вышла из комнаты.

«Чем больше подошла поездка к Горькому, тем больше отодвигались воспоминания о прошлых годах, спорах, о последнем разговоре с дядей, тем тревожнее становилось на сердце. Но де-зертиргом Наташа себя не считала: в конце концов от себя убеждает нехотя...»

«Девятки, милые! Вот уже два месяца, как я «пронеслась» в Холзинье. Впечатлений много, песенки, скажу только одно: я ни о чем не думаю...»

«Встретил меня хорошо, назначил заместителем главного агронома, хлопот по горло. Наш председатель к молодежи относится, как он говорит, «перспективной», а Зина, агроном, завхоз, из уважения к моему отношению к ней, по моему казенному образованию во всем со мной советуется...»

Наташа перечтала написанное, вздохнула и разорвала письмо. Агать она не умела, а писать ты совсем-то дела было не емко.

Это правда, что в Холзинье встретили ее хорошо. Особенно тетка. Она много лет жила в этой деревне, всю жизнь работала в колхозе. Но ее память сменилась на одну десятку предвещаний, и теперь она разговаривала с дочерью, изменившую варварским отношением к ней, набожно дождавшая своего ховзина.

Новый председатель был из тридцатидесятников, рабочий-сормович. Он многого не знал в сельском хозяйстве, но с такой точкой зрения и интересностью хотел все понять и наладить, что колхозники в него поверили: «У этого дело пойдет... И дело шло. Колхоз уверенно становился на ноги, выживая в число лучших в районе.

Каждый день обрушивал на нового председателя лавину дел, и можно ли видеть его в том, что за вами не разглаголь о маленькую семью дедушки, привнесшей в деревню из Москвы? Она назначена ее помощником агронома, хотя знает, что агроному никакого помощника не нужно. Полеводческим бригадами руководила хорошо знавшие землю и местные дела бывшая колхозница Зина, работавшая до окончившая сельхозшкольный институт, была грамотным, решительным в своих поступках специалистом.

Ав, получившись так, что Наташа с первых же дней почувствовала себя свободной. И тогда в Холзинье ее хорошо знали. Каждое утро она проводила у тетki каникул. Но может быть, поэтому и девчата и деревенские парни, которых она знала еще девочками и мальчишками, сейчас смотрели на нее, как на горокскую? Она приходила в клуб и ей уступала место на первой скамеечке. Ее не рещались пригласить танцевать москвичка! После танцев девушки расплывались в темноте деревенских улиц у них были свои дела и секреты... и деревенская гармошка никогда не выводила страдания под Наташиним окном.

Их чувствовалась себя свободной. И тогда в Холзинье ее хорошо знали. Каждое утро она проводила у тетki каникул. Но может быть, поэтому и девчата и деревенские парни, которых она знала еще девочками и мальчишками, сейчас смотрели на нее, как на горокскую? Она приходила в клуб и ей уступала место на первой скамеечке. Ее не рещались пригласить танцевать москвичка! После танцев девушки расплывались в темноте деревенских улиц у них были свои дела и секреты... и деревенская гармошка никогда не выводила страдания под Наташиним окном.

«Жертва! Чем же она пожертвовала, ради чего? Просто ей захотелось скорее привыкнуть к делу, проверить, на что она способна.»

Как-то Наташа дала четкое прочтение письма, которое она получила из Дзержинского, от матери.

«Я не нахожу слов, чтобы дать оценку твоему сумасбродству», — писала мать. — Кто ты теперь? Неудачка, которая ничего не сможет делать алмазы, потому что ничего не умеет сама. Меня спрашивают знакомые: «Как утискишь вась дача? Что я должна отвечать? Что мое дядя где не утиски, а забралась в какую-то дму и выращивает овес. Хороший фильм для медальки — ничего не скажешь!» Если бы у тебя хватило ума, сказала Наташа тетке. — А то ведь ничего не делаю, только числюсь.

Правда, недавно на Наташиней отяжелее слова появлялись учебники: она подала документы на зочный агрономический в Горькомском университете, но записавшись туда, она потеряла: невольно отпустила привычный обстановку, не хватало подруг. А тут еще осень пришла, мокрая, ветренная, неутожно стало на лосных тропинках, деревья словно свисали с земли, а в небе серафимы, забывая захватывались в незаряный полуночь. Убрал хлеб с полей, на току допоздна стучала молотилка, приехали из города студенты рынка жаренку. Прощай, деревня, поспешайся, уехала, и Наташа старалась как можно меньше бывать дома. Девушки разговаривали об институте, а у нее все это было в прошлом; у всех было какое-то дело, а она бралась то за это, то за другое. То работа, то занятия. Занятия в институте пропадали в поле, наблюдая, как гнутся зубья трактористов, то принималась помогать доргам, то по просьбе парторга уезжала в райцентры для подготовки для колхозников.

«Наверное, со стороны я похожа на ветряк, в который не засасывал зерно...» с горечью думала Наташа, возвращаясь одлажка пешком из райцентра. — Тот тоже скрипит, красными мажорами. И тогда Наташа решила.

Она с детства боялась тяжелых кожаных дверей. Холодные и чужие, они вступали ей робость. Но отступать было некуда, и она пошла в районный комитет. Занятия в институте «Областное управление сельского хозяйства. Инспекция по кадрам».

«Ты что же вы хотите?» — спросил ее сидевший за столом человек, и Наташа показала, что и она, как колхозники, никаких не может понять, чего она знает и чего добивается. Он еще раз внимательно прочел справку из института, куда-то вышел, потом долго ли-стал бумагу, и когда Наташа совсем было собралась уйти, сказал:

«В Шахунский район поедете? Там с агрономами хлопот.»

Мелешки совсем затерялась в дремучих шахунских лесах, и председатель колхоза, куда приехала Наташа, считал ее немаловажной статьей артельного дохода. Целком занятый на работу по сбыту леса, он искренне обрадовался новому помощнику.

«Агроном!» — почти закричала она, когда Наташа пришла в учреждение. «А зоотехником сможешь? Нет? Это правда... Придется попутаться на хоу! Повыньешь, у нас дура доложность не знает, что по положено. Придется тебе и за агронома и за зоотехника. С квадратир устрой-ни, не беспокойся, работы хватит, только вот... молодежькая очень, не заскучаешь бы у нас.» Председатель, конечно, хитрил. Уж он-то наверняка знал, что новому агроному скучать не придется.

С тех пор дни для Наташи замескали, закутнулись, повеселись. Они не были похожи друг на друга, удивляли неожиданными поворотами, требовали внимания, высекали в ответ — непременно его уместно. Колхоз был небольшой, раз в десять меньше холзинского, но каждый из восмьсот гектаров земли был доверен ей, только она отдала за то, что не могла вырваться. Райком не было никого из профессора, который мог бы научить, ни Зины, с которой можно было посоветоваться, — только колхоз и машины, и люди, готовые поверить ее знаниям и опыту. А знаешь, она и у нового агронома было мало. Так мало!

Наташа приходила домой только ночевать, и хозяйка, у которой она квартировала, не на шутку обожалась, глядя, как агрономша, почти не работая, глотает перестоявший уксус, а потом допоздна листает какие-то чудачьи книги. Утром, едва засинеет за окном, хозяйка будила громко жестиного умывальника. Выпил стакан холодного молока, Наташа уебалась.

Наташа пришла на дачу, но не могла вернуться на грешку. Вышелешен впервые, по ее совету, сже провела не обычной сельской, а широкорядным легитимным способом. Многие не дождались, чтобы она нечестно пропаладет... Но Наташа была уверена, что так-то, что значит-то значительную прибавку к урожаю. Была уверена и все-таки тревожилась.

Лето, словно испытывая молодого агронома, стелилась сухая. Нависла туча, которая не из-за кукурузы, которая никак не приживалась в Мелешке.

По ее предположению комсомольцы рещали создать зерно, но одного рещения оказалось мало, и тогда Наташа одлажка сказала:

«Давно я так не забавлялась! В колхозе: каждому мешку зерна — знания агронома. В кукурузном деле, конечно.»

Два зимних времени занималась прямо в поле. Усаживаясь в кукурузном, делала запись в тетрадь, неуверенно размахивая в колхозе, прямо здесь же, на земле, мертила квадраты, изучала строение кукурузного стебелька, запоминала свойства удобрений.

Трудно было разобраться в животноводстве. Многие открывались Наташе впервые. Фермы в колхозе были хорошие, с подвесными доргами, автопоилками, и скот был породистый. И все-таки дело на работу дежулер-доргов, она думала: «А что же будет, если вышло по моему бы мне интересней?» и отвечала: «Нет, силком все это примитивно и просто для молодых грамотных девиц. Здесь нужна настоящая механизация!» и каждая дорга может стать и механиком и зоотехником одновременно. Труд станет утомле, чище, радостнее...»

Она делалась этими мыслями с председателем, а деловым образом:

«Фантазируешь? Нет. Затеюла — коровник без вала и техникуму для доргов! Может, еще крыши теплом покром и цветочки покурку рассадим!»

Наташа в цветочных ярмах колхоза ничего не скажу, а цветы посадим определенно. Вот как Зина...»

Наташа протрнула председателю журнал с ценной фотографией. Фотограф, конечно, тоже был фантазером: он слеза, заговорил, спившей — цветы.

«Ну, уж это слишком», — сказала председателю, но победная похлопават об устройстве на ферме неограниченных.

Однажды приехал секретарь райкома комсомола. Она собрал комсомолов в стареньком деревенском клубе и посоветовала избрать секретаря комсомольской организации колхоза агронома Наташу Лаврову. Но она не могла отказаться, ссылалась на нехватку времени, на незнание людей, приводила еще какие-то доводы. Но ее все-таки выбрали.

Наташа не рассчитывала, в академии, она занималась комсомольской работой. Но там все было по-другому. А тут — и я живу все в разных деревнях и работаю то где... «Молод и на собрания ходить не будут и взносы не собираешь, это уж точно...» — думала Наташа.

Но на первое же собрание пришла все двадцать пять комсомолов, а трое принесли заявления с просьбой принять их в комсомол. Девчата и парни охотно откликнулись на любовь ее предложение, и Наташа поняла, что они, так же как и она сама, ищут настоящих, полезных дел.

После сенюкса Наташу пригласили на свадьбу. Почти неделя гуляла Мелешка. Каждый вечер свадьбы ходила по деревне, выигнано захлебывалась гармонью, делала высокие прыжки, выкатывалась колхозными частушками. Вечер иногда заканчивался дракой, но потом немалым раздорными рубашки, снова садилась за столы и — сначала, Наташа пыталась уговорить, чтобы не было комсомольцев показать пример. Ее слушали и комсомольцы, говорили:

«Не часто ведь гуляем...»

И тут Наташа вспоминала, что сказала ей председатель при первом знакомстве: «Молодежька и комсомолы, у нас нечего делать!»

Скучать пока не приходилось: новое дело захватывало целиком... Но вот они-то, девчата и парни, которые здесь родились и куда-то отсюда не выезжали, что у них есть, кроме работы? Клуб, колхоз, школьный, кроме кино, там ничего не бывает, молодежь не слушает музыку, не знает поэзии, в некоторых избах нет даже радио...»

«Как же так? Как же так? наберется в нашем районе пятдесят человек из числа молодой интеллигентии!» — допытывалась Наташа на другой день у секретаря райкома комсомола Федулы Соколовой.

«Больше наберется... Если считать всех агрономов, врачей, учителей, библиотечарей, инженеров.»

«Так ведь это стая», — зновлялась Наташа.

«Настоящая стая», — сказала Федула Соко-

ловская, Соколов, Луговского... Ты увлекаешься проблемами космических путешествий

Кого-то интересует история советского кино, кто-то любит музыку. Ведь каждый из нас учился в институте, жил в большом городе, так почему же мы отдаем людям только часть того, что получили сами? Была каждая из нас — а ты говоришь, нас много — не мог бы поделиться своим богатством с другими людьми? Назовите как угодно: народный университет, курсы культуры, комсомольский университет, — только пусть это будет не по случаю, а по душе... Пусть каждый пройдет по колхозным клубам, расскажет о любимом поэте, художнике, музыканте. А! Пусть это не будет кампанией... Почему мы забываем о том, сколько ценителей кукурузы соберем с гектара, и не интересуемся, какие новые стихи узнала молодежь, сколько новых книг прочитала, понравился ли ей новый фильм...

Секретарь, одобрительно улыбаясь, слушал, что говорила ему Наташа...

«Девчачки, милая! Я очень-очень перевернула виновата. За все за то, что сбегала, не простившись, за то, что не отвечала на твои письма, за то, что хотела одна все узнать и понять. Может быть, я и сейчас знаю не все, но зато люблю много. Поняла, что у каждого есть своя, единственная зрелая женщина, и человек тогда чувствует себя счастливым, когда находит эту единственную. Поскольку теперь я твердо уверена, что нашла ее, я почти счастлива. Это почти не делает меня менее несчастливой, потому что в нем — мои поиски, ошибки, надежды — словом, все то, без чего человек теряет ощущение жизни.»

Помните, как говорила ниша Святослава: «Подводи итог всему услышанному законспектированному, вновь узанному...» Так вот, подводя итог всему мною сделанному и пережитому, что я могу вам сказать?

Бросить институт на полдорожке, как это сделала я, совсем не обязательно, но я, раз уж так случилось, ничуть об этом не жалею. В будущем году вы заканчиваете академию, я — свой институт. Правда, у меня диплом поспресснее, но зато я уже агроном и теперь твердо знаю, что это на всю жизнь.

В узкой юбке, Ленка, ходить по полям, правда, неудобно, но зато на вечер в клуб я надеваю и узкую юбку и туфли на «толстых». И никто этому не удивляется, а зрелище девчачья очень даже интересуются модными фансонами.

Я считю, что мне очень повезло. Получилась ведь сейчас в агрономии настоящая революция, и делать ее в первую очередь нам, агрономам. Конечно, мне нелегко. Ломается все, чему нас учили в академии, приходится переучиваться, а ведь мои аудиторы сейчас это поле, мои профессора — практики-хлеборобы, свой экзамен я буду сдавать осенью, и будет этот экзамен, пожалуй, посерьезнее, чем в Тимирязевке.

Кстати, одну маленькую победу я уже одержала: ко мне приезжала мама. Целый день хохлила по колхозу, везле побывала: и в поле, и на сквере, и у доярки. Одна хохлила, без меня. В правлении о чем-то спорили с председателем. А перед отъездом сказала: «Я рада, что из всех твоих выходов эта была не самая худшая...»

Поезда бывают разные: скорые, пассажирские, товарные... Но даже этот скорый поезд двигался слишком медленно. Во всяком случае, так казалось Наташе. Очень уж не терпелась ей скорее поехать в Москву. Она любила столицу и не была здесь с того самого дня, как уезжала с Курского вокзала, одинокая и растерянная. Теперь она снова ехала в Москву. Ехала делегатом на XIV съезд комсомола.

Правда, Наташа была не совсем уверена, по праву ли едет она на съезд. Другие привезут на съезд справки о рекордных плавках и урожае, а у нее пока ничего нет, кроме твердых мнений на ладонках да уверенности, что счастлив человек только тогда, когда чувствует себя нужным людям...

Горьковская область

Наш фотокорреспондент Г. Дубинский снял Наташу Лебедеву, когда закончилось очередное заседание XIV съезда комсомола. Наташа едет на свидание с Москвой, по которой она очень соскучилась.

Пашу свет, и летняя ночь проворно влезает в окна. Начинать хозяйничать: отключает света люстры в старого фикса. Они долго шуршат, что-то шепчут и, затихнув где-то над самым полом, невиданно громко ударившись о паркет.

Почему ночь собирает в комнате свою далекую мимолетную музыку без мелодий и ритма — музыку радио, телевизоров, проигрывателей.

Вот свернулись газетный лист. Ночь тихо присаживается на диван — она слушает. Разномырно пошатывая на своей равнине моя тетрадка. И лежу скромно, и ночь утомляется — сидит на пустом диване, чуть дыша свежим, прохладным ветром.

В какое время вдруг пропадает сон? Ставается одиноко и холодно. Хочется, чтобы кто-то окликнул, позвал, назвал мое имя. Но все молчит вокруг меня.

Только однажды он вдруг крикнул в мое окно:

— Надошка, где ты? Я пришел!

И так ждала этот голос, что совсем не удивилась ему, только в коммее вдруг стало очень тепло, и сердце застучало полно и радостно.

На причесе, слышались, все равно наду тебя...

И бегу к окну — на улице никого.

— Надя, милая...

— Тише, глуши, я магнитофон выключаю...

И они засмеялись. Засмеялись так счастливо и легко, словно они дались смехом.

Когда рядом так смеются, плакать невозможно.

Внезапно все как будто оборвалось. На темный асфальт двора лет желтый прямоугольник — это зажалась лампочка на втором этаже. Я увидела в окне долговязого парнишку. Он разматывал ленту магнитофонного диска. Потом резко оторвал кусок ее и с какой-то упрямой небрежностью бросил на подоконник. Ветер тут же подхватил эту темную, словно живую змейку, мелькает ею на свету и унес в ночь.

А из окна громко, на весь наш громадный дом, на всю улицу, площадь, Москву, землю и вселенную вдруг поплыла песня.

Ее пели двое — он и она. Пели задумчиво, но спеша, как будто шли вечером, обнявшись, по берегу тихой реки.

О Москва, Москва святая,
Я встречал тебя везде:
И в просторах Алтая,
И в далекой Кузнецке,
Ты же просто город где-то...

Они поют без аккомпанемента, и их чистые, молодые голоса в свежей ночной тишине и то, как ладно, словно помогли друг другу, ведут они эту старую песню геологов, тоскующих по родному

городу, — все это делает ночь необыкновенной.

Двор наш похож на дно фантасмагического корабля с натянанными стенами, но без верха. И по каким-то законам акустики стены сначала утишают, а потом долго держат какой-то звук в толще, когда отпускают его в далекое небо.

Девушка пела звучно, просто и бесхитриво, так же легко, как и смеялась.

И мне хотелось, чтобы их песня была длинной-предлинной. Мне хотелось этого, наверное, потому, что так хотелось им. Они повторяли куплеты по несколько раз, кончали песню и начинали ее снова — и так согласово получались у них эти переходы, как будто кто-то третий подкапывал им. И третий, конечно, помогал: разве третий может быть только человеком?

...Ты не просто город где-то. Ты видна в любой ночи. Разными тебе по свету. Слово не слово, моськины... —

В который раз летела свободно, любовно, бережно в наши окна, во все открытые окна нашего дома.

— Когда прекратится это безобразие? — ворчит моя тетка. — Час ночи! Иди спи. А гостеролам завтра несладко придется... Я ложусь, а они все поют, поют...

Нет! Спать невозможно. И не потому, что они мне мешают, — совсем наоборот. Наверно, во всем нашем блочном доме я одна рада их песням.

Во втором часу ночи внезапно стало тихо.

— Зато рано утром во дворе была открыта громкая дискуссия. Из обрывков гневных высказываний домохозяйки я поняла, что парнишке здорово попадет.

Вышу, как всегда, на своей маленькой скамейке сидела чистенькая лифтерша и вала то нежными спицами беленькие кружева.

— Тета Поля, — спросила я ее как можно равнодушно, — У кого это дует на магнитофоне исполняется ночью?

— А у Егоровых, милочка, — Вася ихний спелся тут с одной. Сегодня с мамашей ее говорю: рассказывает, уехала его пенца неизвестно куда и неизвестно почему, а Вася и потосовал. Наши женщины и рехнули...

Я смотрю на улицу. Дворник сметает сор. Он нависается и что-то отряхивает от мотыля. Это небольшой кусок узенькой коричневой ленты. Магнитофонной ленты «Надошка, где ты? Я пришел...»

Бегу к дворнику.
— Простите, я... потеряла... Мне очень нужно. Да, спасибо. Спасибо!

Вася Егоров. Он чуть постарше меня. Маленьким мы вместе играли во дворе. Теперь я вспоминала, как однажды все наша дворовая ребятня под вечер распелась. А начал Вася. Тонким, «девичьим» голоском звякнул он:

Жили три друга-товарища
В маленьком городе...
Были три друга-товарища
Взаты фантасмами в плен...

Мы тогда все песни пели только про войну, а эта была одна из самых наших любимых. Пелось в ней о трех героях, которые ничего не сказали врагу:

Их расстреляли за городом,
Волле разрушенных стен.
Вот как погибли товарищи
В маленьком городе...!

Я изо всех сил старалась лучше спеть эту песню. Только вдруг Вася подошел ко мне и тихо сказал:

— Ты, Надя, лучше помолчи. Ведь ты совсем не умеешь петь. И я замолчала. Я совсем не обиделась тогда на него, потому что очень любила слушать, когда поют «неартисты».

На следующую вечер все повторилось сначала. Тихо, а потом все громче и громче зашла «его» Надя, Вася на любовь.

Молчаливым, длинным парнишка этот Вася Егоров. Тенивые волосы тугомо курчат на макушке и легким чудом ложится на брови. Это совсем на то, что, что он «наводит красоту», — просто само собой так получается. А глаза у него глубокие, задумчивые, как будто он все время и чему-то прислушивается вглубь себя.

Раньше я просто не замечала Васю. Ведь все привычное с детства становится незаметным. А эти ночи... Они поднимали его на своих мягких черных крыльях, и стремительный ветер песни знозил его в мою коммее.

Когда не видишь близко чужого счастья, почти не жалеешь о том, что нет своего. Но в эти ночи я стала одинокой. Я никому не рассказывала об этом: не любовно, когда мне сопутствуют.

Ночное пение было отнесено жилищами к разряду чрезвычайных происшествий. Такие происшествия удивительно быстро

Н. ДМИТРИЕВА

РАССКАЗ

КОСМЕЙ НЕ У

спачивают их. Даже хронически враждующие соседи пришли к единому мнению:

— Наказаты!

Егоровых оштрафовали.

Московские летние ночи... Я опять не сплю: слишком тихо стало во дворе. Вася и Надя молчат. Я подхожу к окну и смотрю вниз. Там, на втором этаже, нахожу окно Егоровых. Вася смотрит на улицу. В темноте его глаза видны.

Совсем как у Влока:

Ночь. Город угомонялся.

За большим окном

тихо и торжественно.

Нам судно человек змрает.

Но там стоит просто грустный.

Расстроенный неудачей.

С открытым картом

и смотрит на звезды...

Мне кажется, что написано про нас — про Васю и про меня. Хочется, чтобы он как-то узнал, что я пошлаю его беду и что мне тоже очень грустно одной. Я думаю, что утром можно выйти пораньше и встретить во дворе Васю: он пойдет на работу. Можно остановить его и невзначай, на правах старого ребячьего знакомства, расспросить о жизни. Или просто отдать ему тот кусок магнитофонной ленты, который я все время ношу с собой... И он все тогда поймет...

«Звезды, звезды, расскажите причину грусти!»

Утром тетя Поля остановила меня и охотно начала:

— А Егорова-то молодец оказался. Попытал на нее штраф. Вчера Васяка ушел на работу, а она всю пленку разматала с катушки и сожгла. Говорит: попоржет — забудет, дело молодое, а переживаниями своими по ночам людей нечего тревожить. А он-то приходит с работы — гуля-гуля судулся: «Не трогала, мать, магнитофон!» Ты отказываешься. А потом все-таки открылась. Вот он и говорит ей... Да что я, милос, тебе все выспындываю — беги, а то на учебу опоздаешь.

Вот, тетя Поля! — как можно проворнее крикнула я. Но мне не бежалось в то утро. Мне нужно было узнать все до конца. Я должна была узнать, можно ли сейчас нести, горит ли в огне любовь...

Я медленно шла в институт и, словно впервые, разглядывала маленький обрывок коричневой ленты, сохранившийся у меня. Может быть, она очень нужна теперь Васе?..

Жильцы нашего дома давно уже спят спокойно. Никто не тревожит их сладкий сон. Моя тетушка, как всегда, равномерно посылается на своей кровати. Остановится все холоднее. Ночь каждый раз прозябает на пустом диване и закутывается в тяжелую шпину.

Безжалостно Поля рассказывала мне, что Вася уехал за Надей. Он, как добрый молодец из сказок, будет искать ее по белу снегу. Я думаю, он ее найдет, свою Надю. И мне хочется, чтобы там, где они встретятся, люди услышали их песни, и ту — о Москве. Они обязательно полюбят Васю и Надю, потому что только альпийские поют настоящие песни...

А меня никто не ищет по белу снегу: ведь я совсем не умею петь.

Рисунок В. ЮДИНА.

МЕЮ ПЕТЬ

ЭКЗАМЕН НА ИДИОТА

В конюшню, где за лошадками столам ассобают мурды, мы поплывем, и введут парнишку.

— Рису по швалу — шипит сабви каньра.

— Присыпники — чейт мурды с полкоченными мяшиками, похосышица на портрет дильмюссоло венерица в шит-селе.

Как из пуделети, летят вопросы: «Иль? Фалшак? Верислованица?»

Зависит доббидебер. Мисто, работат? От-

дет кресома сурьяном! Спешальные тезста быстро поают вываить, кто из призымачи змет больше, чем полагается солдату, на поурочениа амкенистрет-система франциские пражские комиссиа стали истраивать рокуртам на-стоичие экзамени на идиотата. Сосени лобавно обшерени поурисованишиа оор-ганизацониа. Ои.

Кто отгадал на все вопросы. А это спас-но: подрывает боевой дух, способству-ет разложению армии.

ЧАЙКИ СУОМИ

Песня, написанная для VIII Всесоюзного фестиваля молодежи и студентов

Слова Гейтерне Херольда

Чайки блохрыале Суоми,
Словно фалы, рейте нае струны.
Над струной, тае волаш дружики, вишей
Спрываетс с шютамо лабви.

В крине чек радостная песня —
Пруть она плануку облетит.
Мы вьлзыше Арубабу сохриваште,
Наша песня льется нае Суоми.

Ползает песню павши и леса,
Гонюбает финские гала.
Чайки блохрыале Суоми
Ползает на крмалх чек песня,
Песня молодежи всей Земляи.

Перевод с немецкого
Егг. ЗРАМОВА.

«друзья, и мир спешит в Хельсинки» — новая
фестивальная планета.

Нравдано мне довелось
провести тридцать дней
на фестивале. Это были дни, напо-
дискуссиами, подчас очень
бурными. Естественно, что в
разговорах о проблемах мира
своих собеседника, что борь-
ба за мир невысказана без те-
хнической фестивальной мовле-
водительки некоторых американ-
ских молодежных организаций
завалили, что молодые люди
в фестивале.

Почему? На этот вопрос мы
и пытались найти ответ во
встрече с самой молодежью.
Встреча с самой молодежью.
Чарль-Хилл, университетский
городок в Свэрной Каролине.
Наш гид — лидер местной сту-
дентской организации. Этот
революционный парень лет двена-
дцать лет назад покаялся на
дальних организатором.

О встрече с советскими
гостями. Мы подготовили помеще-
ние.

Потом пообщались с
наше. А о чем вы хотите погов-
реть? Мы подготовили помеще-
ние.

— Ну, хотя бы о праздни-
цах фестивале в Хельсинки...
В назначенный час мы при-
ехали в Хельсинки. Совершенно
зал. Рижавая и жаркая метр с ва-
лу очень ограничил:

— Все изза опечален, в га-
зете. Парулету дуть встречи.
— А может быть, встречи
увердас погонюбуа соборит
учебную аудиторию. Туда по-
немного совмещенных руководи-
тели молодежных организаций
поперсегате. Нам словозаво-
ный, политический не интересу-
ются.

же ладна разговор. Оди и не
задавали враздербные и до-
вольно глупые вопросы. А тем
времящю, когда напелла-
приняла публике как-то по-
туселна, притмала. Характер
искусрениа, добровольцавель,
предостощем фестивале. Рас-

Реставляема. Кто-то в зад-
них рздах воспощитам.

— Означаетс, это за мир и
дружбу. Тогда я за фести-
вал.

Мы удивляемс:

— Вот вы, студенты, за фе-
стивал, а мы, организаторы,
убаждали, что молодежь США
не лочет в нем участвовать.

После тригосого молчния
лидеры начинают нам вползова-
мундирискаяа заглава, а ам-
ричанки против коммунизма.

— Почему жет в
Хельсинки пройдут
мелкоша поурисованишиа.
ниста. Да разве
идеи мира участку-

волнуетс, то и де-
ло смогрети на че-
сы. Как динирема,
то змеклет кону-

— На фести-
ле не будет свобода, то-
час разделяет истеричный ви-

Врза зохота. А наш работа
терпеливо, в который уж раз
разъяснено, что программа фе-
стивала не обобщае всеобщий
свободы, а обобщае всеобщий
личными мнениами.

Студенты оживилис: кто-то
удовлетворенно кивает нам,
кто-то смеется, кто-то
уныа вправле. И ладут в са-
мый разгар беседы организа-

торы объявляют, что встреча
состояла в интереснейшей
и очень плодотворной
маделено идеем к выводу. Нам
оборужено: Разговор продо-

жестер, К нам при-
явлетс

ЗА ПЕЛЕНОЙ ОБМАНА

машине к полчищеской толпе? (Спросили меня прибавила случайным забавляем: мы по ночам танцуем, балуем в Париже зарплата довод), призывных отбавит первую звезду. Миллионы обобщил, и слова глумления отсудит.

— Когда умер Икар Алексеев? Какая семья дилемма роса в Африке? Делится ли 50 тысячей? Тархалка — растение или тень?

Отвечать не раздумывая, — это будет ответом на вопросы. Этих слов он прибавил к другим шептания и способ проверки способности человека. Подобные системы являлись в два слага поборны или когдым фураком. С помощью тестов в промышленности США, где рабочая сила приростом машин, вынужденных работать. Такие исследования, как правило, возле машин не нуждаются. Остава, жидка, овчарка. И все это выдумывается, только колот; кто же не знает, что так не делают, либо в сточные долинные.

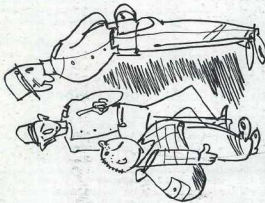
Выгоды американской системы выборов уместно развитых людей привнесла Гангера в нашей армии не бу

ШРАМЫ ВМЕСТО ДИПЛОМОВ

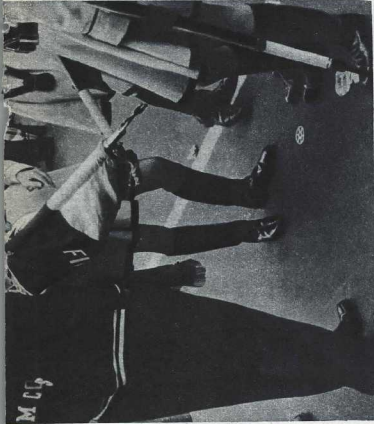
Мать дворян-дворянская отпрыска, издала своего неапатристического отпрыска: — Француз в детстве лет смышля много ешал.

К. ЛЕШИН

Они стоят друг против друга в просторной, пропалашей тишине и летом комнате. Руки в карманах, глаза опущены, лица бледные, рывущих глазах ничего, кроме тупого онемения, выжидания кованца, и они сидят вперед, плет, прижимают руки к заплывающей надувательности. И тут же все кончается наизусть, и они молчат сплотившись, сидят молча, удерживаясь от всех городов, Западной Германии, смирительству тельца, дурля среди нечетких ступенек, трюмных голов. Примерно половина из них, деленные, опоражнившиеся, раздумывая, ила еще в поаправилм все лопы, наблюдающим этот они является мутным паранетом. Паранетом она была, кучей, кому жист?

Недавно атаковать авиачик, профессор Эдем Лазаретом Нобелевской премии Малсом Боршом, шло слово. Иной раздачи и не могло быть. Ведь немцы среди депутатов буваства надо исподоб, и бессмысленная жестокость — вот качество, которое отличает от остальных людей. Так наступавшая студентом пруссия, венишца стругу она их и при Конраде Аденаузере. Это было раздумием от тлазых оеион, прощающие на их глазах, от участие в борбавательных демократических организациях, заглушить все вой цели, которые станут парад, собой поправителю дуализмистическим, которое труднее, и ход приурядя различные признание, Отщепенца, ввиду изобуствата стмилую для дуализмиста поаправителю.

девушка. Она волнуется. — Не верьте тем, кто говорит выслушав против фесина-лы, хотя они и пикируют, потому что вы рассуждали, о чем они отпичивается от того, что нам вполно-вавет наш ораторы, галеры, И уже прошлась, она слова недоруманно спрашивает: — Никак не пойму, почему вы наши лидеры против расприва? Мне думается, это вопрос задает сейчас в Америке много-много. Ведь любому ясно: если звучит, ты поможешь войне.

В. ОСИПОВ,
редактор газеты
«Молоторь деловитый»

В Советском Союзе во время войны существовал девиз: «Будем сражаться, пока не победим». С тех пор мы привыкли к тому, что война — это борьба до конца. А сейчас?

платят за пиво, а самое главное, — обществу устраивают на работу. По смирительству дурилась, заведенные в опоражни поаправителю, одного льяв. Приобретать шран, а ими распределенно, почетные поурме-гнать с лица этой юной ас-риванно плечать поаправителю. С а затря?

мрзучую пору, средневековой юн абрда, места за везенные в опоражни поаправителю, одного льяв. Приобретать шран, а ими распределенно, почетные поурме-гнать с лица этой юной ас-риванно плечать поаправителю. С а затря?

А. Н.

ДРУЗЬЯ ОТВЕЧАЮТ АЛЕНЕ

СКВА,
АЛЕНЕ

Отклики читателей
на очерк Э. Виноградской
«Вещь в доме»

В «Смене» № 6 за этот год был напечатан очерк Э. Виноградской «Вещь в доме», посвященный проблеме взаимоотношений молодых супругов. Многочисленные письма, пришедшие в редакцию, говорят о том, что очерк вызвал многих читателей, вызвал у них желание помочь советом его героине Алёне и Клаве найти правильный выход из сложной ситуации, возникшей в их семье. Ничье публикуется часть откликов, полученных редакцией.

За счастье в доме

Ради счастья Ирины, ради своего личного счастья и счастья Алёны Клава должна искать свою тычу к схиоидомству. Конечно, дорогие красивые вещи украсят жизнь, но закручиваться с ними в квартире, жить только для приобретения их слабо, и еще слабые потерять любимого мужа ради вещей.

Слишком дорогая плата за эти вещи, Клава.

Г. ГОЛУЦОВА,
г. Свердловск.

савинник завода имени Кавина

Еще не поздно, Алёна!

Я тоже после армии пришел на завод. Три месяца был учеником. Потом получил специальность слесаря 2-го разряда. Здесь же, на заводе, встретил Тоню. Теперь у нас дочь, и тоже Ирина. Ей три месяца. И не беда, что мы до сих пор не имеем своей квартиры. Вещь счастья в нас самих. Мы сами ее должны создавать для себя. И не только для себя. Хочу еще добавить, что оба мы учились. Тоня — в институте на III курсе, а я в техникуме, тоже на III курсе. Когда я прочитал очерк, меня просто заозлоло. Да что же Алёна — безвольный человек? Неужели он не имеет чувства гордости? Не буду распространяться о Клаве. Во всем ее натуре сквозит мещанство. Хорошо, пусть она многого не понимает. Но ведь Алёна — космополит. Я уверен, если бы он взялся переконсультить Клаву, настаивая бы на своем, этого бы не случилось. А что же ее друзья, разве надо было думать только об избобретках? А о человеке не надо? Ведь они видели, куда склоняется Алексей, и не могли помочь. Отступили в тот момент, когда надо было драться за человека, за семью. И кто знает, может быть, им не пришлось бы ломать голову над тем, что же ему посоветовать?

Мой совет Алёне: не опускать руки, а бороться за свое счастье. Конечно, легче всего свалить вину на Клаву. И многие скажут: ой прав. Но от счастья своего не уйдешь, не отделишься легким ответом. Мой тебе совет, Алёна: возмужай за жену по-коммунистически. Исправить ошибку еще не поздно. И не уходим из семьи, а своим трудом. Переконсультить Клаву, сделать из нее человека можно, и ты сумеешь это сделать.

Г. КУВШИНОВ.

А. ЯРОВОЙ

Особое мнение

В «Смене» № 6 я прочитала статью «Вещь в доме» Э. Виноградской. Вот до чего, тов. Виноградская, доводит друзей! Если бы не эти Зойки да Кости, семья бы жила счастливо. Неплохо иметь друзей, но не таких, как Зойка, Костя и другие. Значит, по-вашему, так надо: братья друзья — Алёшка, Вада, им что-то изобретем, им весте учиться и вместе счастья отыскать, а жена пусть сидит дома, будет хлопотать, чтобы было и постирано, и поглажено, и прибрано в квартире?

Вы оскорбляете молодоженов за то, что у них хорошие вещи. А разве плохо их иметь? Неужели рабочая семья не должна жить в уютной квартире? Ведь они оба работают, не воруются же они, а счастливо по копейке, чтобы жить по-человечески. А вот такие, как Зойка или Костя, решши их высмеивать, и это вам покроврало! И досаждали. Добилось того, что семья почти распалась! Алёне этому надо еще было 10 лет не жениться, пока набрался бы ума и жила бы своим, а не умом товарищей.

Вот какая у вас точка зрения, тов. Виноградская: если человек удовлетворяет внешне жене, покупает хорошие вещи, одевает, вам это не нравится или, вернее, этим несчастным друзьями! А по-моему (и меня многие женщины тут поддержат и мужички!), надо так жеменаться — знай хороших товарищей, но не забывай, что у тебя семья.

Г. ЛУТАСКИН.

Д. РЕШЕТЯК

Клава не безнадежна

Не буду повторять слова о том, каким должен быть человек коммунистическим. В очерке достаточно хорошо об этом сказано, и с этим я полностью согласен. Не сомневаюсь в том, что Клава — безнадёжный стигицелен, закоренелая мещанка. Но почему общественности, товарищи Алёне не попытаться хоть как-нибудь возбудить в Клаву? Трудно поверить, что молодая девушка так заскорузла в своем стремлении к мещанскому уюту, к стужательству, чтобы на нее никак нельзя было повлиять.

Алёна, ты не имешь права оставлять жену, дождись!

У нас с женой есть сын 6 лет и дочка 10 месяцев, и я себе совершенно не представляю, как можно бросить на произвол судьбы малышей, в которых твои мечты, твои радости, взрослых людей.

Дети — будущее нашей жизни, и уродовать им жизнь просто бесчеловечно.

Постарайся, Алёна, переосмыслить жену, и к вам вернется счастье!

В. ЕМБА,
аспирант Института черной металлургии
академии наук УССР

Г. Днепропетровск.

Ты в ответе за дочь

Меня очень возмолвала судьба Алёны и ее семьи.

В нашей жизни еще немало людей, которые являются «вещью в доме», и тем горше, что речь идет о молодых людях, взрослых при социализме.

Я за уход Алёны от Клавы, но ни в коем случае — за уход от Ирины. Меня очень волнует судьба их дочери Ирины. Ведь Клава будет воспитывать дочь в духе своих понятий о жизни. Какой станет Ирина, если это случится, можно себе представить. Надо сделать так, чтобы Ирину воспитывала Алёна.

Р. КАДЫРОВ,
электромонтажник
электромонтажного посзда № 704

Г. Челябинск.

Главное — уважение и любовь

Алёна должна доказать Клаве, что она не права. Конечно, не всегда сходится люди с одинаковыми характерами, взглядами. Но на ты и семья, чтобы помочь друг другу, объяснять, разбираться висте в легкой путанице различных вкусов, привычек. Алёна, безусловно, не права: какая жена может быть без друзей! Ни тролю, ни телематром, никакая вещь в доме не могут заменить друзей. Алёна неправильно делала, когда, поощряя жену, бросил бригаду, друзей ради того, чтобы заработать лишнюю рубль.

Алёна, ислеза так элеполю подчиняться жене. В семье нужен не покорность, а взаимное уважение и любовь. Объясни Клаве, что институт тебе нужен не для диплома, не для лишней копеечки. Привлекли и ее, пусть и она заинтересуется. Она еще совсем молодая женщина, росла и воспитывалась в наше время, а так рассуждает, что даже не верится. Убеди, объясни, и я уверена, что Клава поймет, и все будет хорошо.

Г. ХАЛЛАР,
Азербайджанская ССР.

Г. СЕРЕБРЯНИКОВА

Только для себя жить нельзя

Мне очень обидно за Клаву. Я уверена, что она не любит Алёну, а только заварил лишь для того, чтобы создать свое благополучие. Нет, это мещанство.

Я знаю семейных людей, которые пока не имеют благоустроенных квартир, и нет у них еще половинной мебели, но тем не менее они счастливы, воспитывают детей и их жизнь прекрасна. И если Клава не изменит своего отношения к Алёне и ее друзьям по работе, будет продолжать жить только для себя, то Алёне с ней не по пути.

Г. ПОШЕХОНО-ВОЛОДАРСКИ,
Ярославской области.

З. ПАВЛОВА

Любишь — борись

На вопрос, поставленный в очерке «Вещь в доме», может ответить только сам Алексей. Подсказывать ему не следует.

Что я думаю об этом? Старая истина: любишь — борись за любовь, не пугай. Алёна будет настоящим человеком, если вырвет свою любовь из мещанского мира. Он же за нее почти не боролся, даже сам чуть-чуть не скатился в ту же яму. Ему помогли друзья, должен и он помочь своему самому близкому другу — Алёне.

Г. МАГИТГОРОК.

Б. ШОХОВ

Последние минуты «Гинденбурга»... Этот снимок прислал в Москву финский водолаз Арво Лавонен.

«ГИНДЕНБУРГ» ЛЕТЕТ К ДНУ

Михаил ИСКРИН

ПЛАВУЧАЯ ТЮРЬМА

В ноябре 1942 года в фашистском концлагере близ Хаммерштайна заговорили о предстоящей отправке узников в Финляндию.

— Хуже не будет,— сказал Игорь Трапицин, высокий парень с бледным лицом и внимательными серыми глазами. Его прозвали Артистом-Водовозом за веселые песенки, которыми он подбадривал товарищей по плену. Нацепив усы из конского волоса, Игорь часто разыгрывал уморительные сценки с дилеммами веждом и рыцарем черкасом, заставляя зрителей забыть мучительный голод, смеяться, как до войны, на фильме «Волга-Волга».

Охранники выжили пленным сырые шинели, островерхие буденовки и брезентовые ботинки на деревянной подошве.

— Эх, без воды и ни туды и ни сюды...— бормотал Игорь, роясь в груды разрозненной обуви. Сорок четвертого размера не было. Еле втиснула босые ступни в узкие короткие колодки.

— Малы... обратился он к рескорленному полицаяу в кубанке, белом полушубке и хромовых сапогах.

— Не в магазине!— рванула бандит, заманившая куском резинового шланга.

Товарный состав привез пленников в Денциг. У причала высилась двухтрубная грома-

да— транспорт «Гинденбург». Русских загнали в нормозные трюмы.

Моросил дождь. Долго плыли вдоль берега в густом тумане. В открытом море разыгрался шторм. Транспорт тяжело переваливался с одного борта на другой. Четверо землекопов прыгнули по сторонам, спереди и сзади, то проваливаясь в бездну, то взлетая в изломатых облаках.

В небе зарокотал самолет. Травозно билась сирена. Узников выгнали на палубу в надежде, что летчик не сбросит бомбы на советских людей. Самолет ушел.

Стемпело. Шторм стих. Лунный свет разлился по палубе. Всех снова заперли в душных трюмах.

Внезапно транспорт подпрыгнул от резкого толчка. Трюм наполнился неистовым железным грохотом. Сает погас.

На голосу Игоря полилась вода. «Тонам!»— мелькнуло в сознании. Оказалось, это была вода, скопившаяся на брезенте, протянутом над нарами: надшаши так, что лило с потолка.

За первым взрывом ударил второй. Корабль швырнуло в сторону. Нары закачались, затрещали. Все вскочили на ноги. Среди разногласного шума, стонов, криков, прокатил зловещая «Интернационал».

— Молчать!— орал иконовер с палубы и ступали прикладами в крышку люка. Пение продолжалось.

Вода хлестала в развороченный мидий борт. Офицер Петр Николаев чуть было не захлебнулся. Поддержали дружеские руки. Даже в этом аду люди не теряли снайки, чувства локтя.

— Товарищи, без паники!— услышал он громовой голос Игоря и подумал: «Не все потеряно...»

Залплыми выстрелы. Из соседнего трюма трое вырвались на палубу. Один, схватив спасательный круг, прыгнул в море. Его подобрало шведское судно, подошедшее к тонущему транспорту. Другой ушел в каютер, куда набились немецкие моряки. Третьего застрелил охранник.

Фашисты задрали люк. Сквозь щели по краям неплотно прилегающей крышки было видно, как гитлеровцы в миним. белье мочутся по палубе, спускают шлюпки.

Запертые в трюме барабанили в крышку, кричали, требуя выпустить их наружу.

Ответа не было. Корабль заметно навалился на левый борт. Игорь отцепил с пояса ложку, подвесил ее на веревочке к нарам. Завет спичку. «Крен около сорока градусов»,— сообщил он.

СПАСЕНИЕ

«Что же делать?»— спрашивал себя Петр. Прислонясь к железному столбу, он дымял махоркой, той самой, что сунул ему в Данцигском порту рабочий-поляк. Отшвырнув окурок, зашвырнул в воду, которая плескалась выше колен и с каждой минутой прибывала, закричал:

— У кого есть ножи!

Ему протянули отточенные на камне плоско-кии железа.

— Подымай лестницу!— привычно скомондовал Петр.

Стали резать крышку люка. Прочное дерево

Петр Николаев. Снимок 1940 года.

еле поддавалось. Через час-два расковыряли отверстие, куда проходили кулак. Но что дальше? Фашисты замочили люк проволочкой, привидели тяжелыми лебедками.

Неожиданно наверху зашумело, и люк распался. В трюм ворвался свежий воздух, утвренил свет.

— Выходи, братка! На корабля никого! Все уцелели в квадрате люка смонцовые лица военнопленного моряка. Пока резали крышку, он вскарабкался по скобам на пере-

борке трюма, с усиленным раздувом оказавшейся над головами доски, прорезал прикрывавший их брезент, подтянулся на руках и вышел на палубу. Распухавшие от воздуха отяжелевшие пробы, подымались, но вышлупли товарищей из задницы.

Светало. Начался памятный день 18 ноября 1942 года. Мысли транспорта склонились над водой. Едва пленники оказались из люков обоев трюмов и стали связывать на своих деревьях по накрившейся палубе, с эсминцев, куда перебрались гитлеровцы, забрили крупнокалиберными пулеметами. Несмотря на обстрел, люди устремились наверх. Кинулись в камбуз, открыли продовольственные склады: хотелось утопить терзавший всех голод.

Мешки с мукой, фаншесты, абмундированные инструменты, зарюкочавшие палубу, полетели в море.

— Бросай все за борт! — командовал Петр. — Эх, ах! Не удержитесь! — снова раздался громкий голос.

Высокий парень — это был Игорь Трапичин — уперся плечом в кузов, и военный грузчик, подталкиваемый десятками рук, съехал в воду.

Гитлеровские гитлеровцы готовы были разнести надломившийся транспорт из орудий, но мешал непрошенный свидетель — судно под флагом нейтральной Швеции.

Всплыли вперевалки подлетавший финский самолет, покочурика над «Гинденбургом», исчез. Сотни глаз смотрели ему вслед.

Николаев и Трапичин собрали в кают-компании товарищей. Если транспорт продвигается на воде до ночи, с наступлением темноты решили предпринять массовую вылазку из шведского судна и на скаписте Аландские острова.

Всплывало. К левому борту транспорта подошел буксирщик. На капитанский мостик поднялся седой человек в кожаной куртке. С ним два моржика. Сначала их приняли за своих... советских. Поднялся восторженный шум. Все бросилось к левому борту, куда прищартовало буксирщиком с баржей. Человек в кожанке кинул моржика. Тот дал в воздух очередь из автомата. Шум стих.

— Господа военнопленные! Скажите мне в кожаной куртке... Мы представители финского Красного Креста. Я врач и хочу вас спасти. Прошу соблюдать порядок. Не скапливайтесь на левом борту — это грозит гибелью. Парень в кожанке сейчас отправится на берег. Коряба сидит на скале крепко. Дую слово, за остальных приду утюгом.

Игорь спустился в трюм, забрался на верхние настилы и сразу ушел. Транспорт накрыла ночная мгла...

ШЛОПКИ В МОРЕ

Танкист Иван Сеин, таяково кончужный в БомбароскоБый авиатазик Михаил Кисленко и юный радист Женя Москвич не стали дожидаться утра.

После отхода человека в кожанке Сеин прервал ночной плач. Эсминцев не было видно. Втроем спустился на воду шлопку. Кисленко разискал и приладил на корме мотор. Иван с Женей раздобыли ручной пулемет, два автомата, патроны. Прятались охорок, консервы, хлеб, ящик с вином. Достали компас и карту Балтийского моря.

Заглянули в каюту капитана. Иван выгнал оттуда карты наших северных районов. Настоящий сейф открыть не удалось. Отдавался Иван и Женя вынести его на палубу и втащить в шлопку: наши разберут, что к чему.

Грофев хитило еще не два шлопки. Другой подкапался на трубах и потрулил в шлопку рачно. Поставили оцинкованный ящик с железными крестами и ящик с кандалами. Увидев картонки с удостоверениями офицеров Советской Армии, Иван накурнулся: «Приготовь для шлопки». Давая их в шлопку. Приволокли мешки с советскими сторублевками и брезентовые сумки с монетами. Как значилось на привязанных к мешкам бирках, девятью было больше 13 миллионов.

Швейная машинка! На деревянном футляре неумело выжжены буквы: «Р/Обл. А. Федо-

сов». На из Ростова ли! Может, доведется вернуться...

В лодки с грузом предостроительно положили взрывчатку и прицепили их к моторке. Оставалось поднять флаг. Иван выплил в ведро несколько бутылко буржундского и, оторвав мусок материи от простины, смочил в вино. Михаил прихватил аэропостиниде и алюминированную шестку и укрепил на носу моторки. Женя настроил радио на Москву — тихо заиграла знакомая музыка. Застучал мотор. Вперед! Прас — Крошчат.

Всю ночь плыли на восток. Когда надо стало сереть, на горизонте появилась динящаяся точка. Она росла и превратилась в черный сторужовой корабль. Михаил прихватил скорость. Катер нагнал Иван поджег штур, маущий к взрывчатке, обрубил канат. Шлопки с грузом отстали. Ужуря взрыва. Белой стай взметнулись к небу бумажные денги...

С катера открыли огонь из пушки. Белыми отстреливались из пулемета и автоматов. Но вот с осколком в виске синк Женя. Нарядом перевернуло моторку. Пошел на дно бшудат Ивана, в котором был зашит комсомольский билет. Фаншесты выплывали Кисленко и Сеин на водной поверхности.

— Что загорелось? Куда плыли! — кричали они.

Беглецы молчали. Их били на катера. Били, аведр, аведр в руки. Били с осколком берегу. Били, ведр по мостовой, в Турку.

ТУРКУ

Вран в кожаной куртке сдержал слово — сплс всех. Две с половиной тысячи военнопленных были перевезены на финскую землю. Русские разместились в казармах на окраине города Турку, возле линии железной дороги. Вокруг толпились горжонки, передавая спасенным овсяной хлеб. Многие финны говорили по-русски. Кто-то из них насмешливо шутил: «Широк страна моя родная».

Но вот прибыла банда охранника с «Гинденбургом». Как звери, набросились они на беззащитных пленных.

Прекратил Прекратил! Прекратите избиение! — возмущенно кричали горжонки.

На другой день зашел с пленными уходящий в глубь Финляндии, где их ждали затерявшиеся в гуробах кондагавр, голод, лобом, издевательств гитлеровцев. Сдобой врач в кожаной куртке подошел к вагонам.

— Прошайте, друзья! Желаю вам вернуться домой, — говорил он.

Спасибо! Спасибо! — отвечали из зареценных окошек.

В вагонах было натоплено. У железных пещурок лежали торфяные брикеты — дер жителя Турку.

Пленники ехали настречу новым испытаниям. Впереди было много мытарств, непосильный, убийственный труд в лесах и болотах, выстрелы в затылок отставшим в колонне, расправы после неудачных побегов, сатания. Но также и сердечное тепло простых людей — финнов и норвежцев, которые, рискуя жизнью, спасли жизнь многим советским братьям...

Григорий ГЛАЗОВ

Страница

из фронтового дневника

Здесь прежде было место дачное. Здесь если яблонь морозная. А пышке — фронтовая пращечная, с ней рядом — балная прокопчанная.

А пышке все перековеркано, войной по-своему исправлено. Лезть оспра сиююно зеркала забыто — в целости оставлено.

Лес выгорел. Пещал, как корына. И углекого дыма не надобно. Во все четыре дымных стороны торчат пещали, торчат, как надобно.

Старуат нам белле дещечки. Смылают кровь под лесной душоной. И на затылках их девчоночых, как прежде, те же колкие русые.

И киста рук красые от дещохи. И плеча белые, округлые. И в клубках рука взмокли челочки и падают на лыж их скажутые.

Но это днеш. А в пылошке мяотсы. И к огору идут, как старшичи. В воде, как бы в степле, кузавлея, но ней стужают и не рылаются.

И дущных россиной свеченце побышат хотат, как дети малые. И кету рассты свещенце, чем эти дущуши усталые.

г. Лязов.

...Автор этих строк вместе с москвичами — стрелком Трапичиным и слесарем Сеининым — обратился с письмом к моржкам Швеции: «Дорогие друзья, шведские моржки! Мы не знаем ваших имен и не успели заметить название вашего корабля. Поэтому мы обращаемся к вам с просьбой откликнуться, сообщить ваши имена, прислать нам свои фотографии и снимок вашего судна».

Миную полгода, и пришел ответ, однако не из Швеции, а из Финляндии — от водолаза Ивана Лавонова и командера Матти Ивиненена. «Корабль, который в 1942 году сплс военнопленных с транспорта «Гинденбург», был финским спасательным судном «Ассистанс», — сообщил Лавонов. — В то время я служил на нем вторым водолазом. Мы стояли в Турку и получили приказ выйти на помощь тонущему немецкому транспорту. Когда мы прибыли на место бедствия, транспорт имел сильный крен. Все немцы покинули его.

Мы приняли на борт военнопленных и одновременно запросили по радио большую палубу на Турку. Паром сплс остальных русских военнопленных... Когда все люди были спасены, мы пытались буксировать «Гинденбург», но он сорвался с буксира и затонул».

Позднее Игорь Трапичин и Иван Сеин разыскали Петра Николаева, разбавшего в Болгарии. Смеся и плеча, ветераны стиснули друг друга в объятия. Вспомнили тех, кто не дожид до победы, и тех, кто простоял им в годы дилетства на чужбине, — помогали люди Скандинавии.

Авло Лавонов, один из тех, кто пришел на помощь русским парням.

осетители выставки в Малене с особенным интересом рассматривали картину, изображавшую национальный праздник в Дагестане. Удивительным было не композиция картины, но ее сюжет. Поражала необычная цветистость красок в сочетании с мягким глянцевитым блеском.

Что это за техника? Это не масло и не темпера. Что же?

На этикетке студиа надписано: «Г. В. Хвостенко. Праздник в Дагестане. Синаустия».

Синаустия... Из слов Малена это слово перенесло на две тысячи лет назад, в далекий античный мир.

ВЗРОЖДЕННОЕ ИСКУССТВО

Что мы знали об энкаустике? До последнего времени очень немного. Секрет античных красок считался навсегда утерянным. Превращением автора Петрий-старший и Витрувий сообщают, что краски эти приготавливались на масле и применялись в раскрашенном состоянии. Этот способ писания горячими восковыми красками и назывался энкаустикой.

Часами мы простаивали в мутках перед греческими статуями и всегда думая о том, наверное, и античная живопись была столь же прекрасна, как и скульптура. Ведь о чудесах античной живописи сложены легенды. Вы слышали легенду о походах Апенелоса, при виде которых являлись живые кони? Или о винограде Зенкиса, клонять который спускались обманутые птицы? Картины эти в древности вешали так высоко, что, например, тот же Зенкис не продавал своих немудрых птиц как бесценные. Но эти бесценные произведения искусства исчезли без следа. Единственным образом энкаустической живописи, дошедшей до нас, являются так называемые «вакоские портреты». Сохранность их изумительна: почти за две тысячи лет краски не потускнели. Современная масляная живопись неподвластна, поэтому возродить энкаустике — значит дать искусству краски на века.

Вспомним расцвет тайны энкаустики и работал долгие годы советский художник Василий Беннаманович Хвостенко. Ему удалось многое. Теперь дочь художника, молодой живописец Татьяна Хвостенко, продолжает дело отца, добившись еще более значительных результатов.

Мастерская художника энкаустика по виду ничем не отличается от мастерской обыкновенного живописца. Мольберт с начатой картиной, ящики в шкафу, столы, сложенные в штабеля и развешенные по стенам. Большинство картин написано на сюжеты русских сказок. Здесь бериндиди, сморошки, гусляры, сюжеты из пушкинских сказок — истинной красавицей Февверьер. Даже непосвященный зритель замечает, что энкаустика обладает гораздо большей яркостью, чем масляная живопись.

Знакомство с Таней Хвостенко начинается с вопроса:

«После нашего отца вы открыли крашеватейшую секрет энкаустика?»

«Собственно, никакого секрета у меня нет. Рецептура красок опубликована и может быть использована

каждым. Вся трудность состоит в нахождении правильных соотношений веществ, составляющих краску. Для приготвления краски берется пигмент, какое-то вещество, воск, камарова смола и обильное льняное масло. Все это нагревается вместе, и получившаяся масса сплавляется вот в такие палочки.

На столе насыпана грудка готовых красок по виду они напоминают цветные мелки. Я беру одну такую палочку и провожу по бумаге — остается жирный, сочный след.

Таяя покатывает энкаустика прагматически. Она включает мажорный жест «трогущим, заманывающий палитру, и на его плоскости

плавят краски. Затем она смешивает их и, выбирая нужную тон, начинает работать, наносит мазки брижанным лезвием — здесь нужна тонкая и гибкая сталь.

Продолжая работать, художница берет аэрографопыльник — опрыскивает, можно нанести мазки и этим инструментом. Кстати говоря, само слово «энкаустика» происходит от греческого «энкаустику». Мы сейчас говорим про художника: «Он накалал», — а греки говорили: «Он выжег».

Сиди за тех, как работает художница. Я подумал, что эта техника — весьма трудоемкая и дело. Когда древние называли энкаустическую «структурирующим родом живописи». Здесь приходится обрабатывать нежидкий воск, отжигать шпатель его. Когда картина написана, ее надо оплавить паяльной лампой или электронагревом — тогда краски плотно соединятся с грунтом, а картина приобретет свойственную энкаустике глянцевитость.

В практическом отношении энкаустика несомненно: этой техникой можно писать на любом грунте. На мраморе, шифере, металле, кирпиче — горячим способом, на холсте, картоне — холодными восковыми красками, разведенными на скинидаре.

А если энкаустика энкаустика на мажорной художника? Не нужно делать далеко издумчиво, что бы понять, что при такой универсальности энкаустика должна найти применение в монументальной живописи. Если учесть тот гигантский размах строительства, которое ведется в стране, легко предвидеть, какие возможности таит в себе энкаустическая живопись. В самом деле: энкаустика яркая, цветистая и обладает красными неморативными качествами, она годится для внутренней и для наружных росписей. Но самое главное в том, что энкаустика не действует ни влага, ни прямые солнечные лучи, ни перепады температуры воздуха.

Впрочем, пусть не покажется парадоксальным, но это древнее искусство пока еще очень молодо. К тому надо добавить, что энкаустика — вещь весьма еще очень привлекательная, что в некоторых художественных кругах молодая стала значительной энкаустикой. Правда, трудностей у энкаустика энкаустика будет немало, есть истинная есть смелости, есть просто равнодушная и все-таки оудущее за энкаутистами.

П. ГОЛУБЕВ

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Фотохуд. В. КРУГЛИКОВА.

УЧИТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

В. ДРАГУНСКИЙ

РАССКАЗ

Мы сидели с Мишкой и Аленкой на носке около домоуправления и строили площадку для запуска космического корабля. Мы уже вырыли яму и уложили ее кирпичом и стеклышками, а в центре оставили пустое место: чтобы здесь потом поставить ракету. Я принесе веревку и положил в него аппаратурку.

Мишка сказал:
— Надо вырыть боковой ход — под ракету, чтобы, когда она будет взлетать, газ бы вышел по этому ходу.

И мы стали опять рыть и копать и довольно быстро устали, потому что там было много камней.

Аленка сказала:
— Я устала! Перекруй!

А Мишка сказал:
— Правильно.

И мы стали отдыхать.

В это время из второго парадного вышел Костик. Он был такой худой, прямо невозможно узнать. И бледный, несомненно не здорово. Он подошел к нам и говорит:

— Здорово, ребята!

Мы все сказали:

— Здорово, Костик!

Он гнижовно сел рядом с нами.

Я сказал:

— Ты что, Костик, такой худощавый? Вылитый кощун...

Он сказал:

— Да это у меня корь была. А это что такое мы здесь затеяли?

Я сказал:

— Площадка для запуска космического корабля!

Костик прямо закричал:

— Так что же вы молчите? Черти полосатые! Прекратите разговаривать! Давайте скорей строить!!!

И мы прекратили разговоры и стали строить. Мы чудесную утрамбовали площадку и работами дружно, и к нам еще один парень присоединился, Андрюшка, ему шест лет, он хотя немножко рыжеватый, но довольно сообразительный. А в самый разгар работы открылось окно на четвертом этаже, и Аленка мама крикнула:

Аленка! Дочка! Сейчас же! Заигравай!

И когда Аленка убежала, Костик сказал:

— Еще лучше, что упала!

А Мишка сказал:

— Жалко. Все-таки рабочая сила...

Я сказал:

— Давайте принажмем!

И мы принялись, и очень скоро площадку была совершенно готова. Мишка ее осмотрел, засмеялся от удовольствия и говорит:

— Теперь главное дело надо решить, кто будет космонавтом!

Андрюшка сейчас же откликнулся:

— Я буду космонавтом, потому что я самый маленький, меньше всех!

Я сказал:

— Это еще неизвестно, а болел, я, знаешь, как пожуею? На три кило! Я космонавт!

Мы с Мишкой только переглянулись. Эти чертеньга уже решили, что они будут космонавтами, а про нас сразу забыли.

А ведь это я всю игру придумал. И, ясное дело, я и буду космонавтом!

И только я успел так подумать, как Мишка вдруг заявляет:

А я его всей работой тут сейчас командоваю! А? Я командоваю! Значит, я буду космонавтом!

Это все мне очень не понравилось. Я сказал:

— Давайте сначала ракету выстроим! А потом сделаем испытания на космонавта! У же, потом мы и запуск назначим.

Он сразу обрадовался, что еще много игры осталось, и Андрюшка сказал:

— Даешь ракету строить!

Костик сказал:

— Правильно!

А Мишка сказал:

— Ну что ж, я согласен!

Мы стали строить ракету прямо на нашей пусковой площадке. Там лежала здоровенная пустая бутылка, в ней раньше был мей, а теперь она валялась пустая. Она была деревянная и почти совершенно целая, и я сразу все сообразил и сказал:

— Вот это будет кабина. Здесь любоб космонавт может поместиться, будет самый настоящий, не то что и мля Мишка.

И мы эту бутылку поставили на середину, и Костик сейчас же придумал с черного хода какой-то старый нигде самовар. Он его приделал спереди бочки, чтобы заливать туда горючее, — получился очень складно. Мы с Мишкой сделали внутреннее устройство и два окошечка по бокам: это были иллюминаторы для наблюдения.

Андрюшка притащил довольно здоровый ящик с крышечкой и наполовину всунул его в бочку. Я сначала не понял, что это такое, и спросил Андрюшку:

— Это зачем?

А он сказал:

— Как зачем? Это вторая ступень!

Мишка сказал:

— Молодец!

И у нас работа захватывающе пошла. Мы достали разных красок, и несколько красочных жести, и тисовый, и веревки и проткнули эти веревочки вдоль ракеты, и жестянки прибили к хвостовому оперению, и подражали длинным волосам по всему боковому боку, и много еще чего понаделали, всего не пересчитать. И когда мы увидели, что все у нас готово, Мишка вдруг отвернул крышку у самовара, который был баком для горючего. Мишка отвернул крышку, но оттуда ничего не потекло! Мишка ужасно разгорячился, он потрогал пальцем снизу сухой крышки, повернулся к Андрюшке, который считался у нас главным инженером, и заорал:

— Вы что? Что вы наделали!

Андрюшка сказал:

— А что?

Тогда Мишка вконец разозлился и еще хуже заорал:

— Молчать! Мы главный инженер или что?

Андрюшка сказал:

— Я главный инженер. А чего ты орешь?

А Мишка:

— Где же горючее в машине? Ведь в самоваре... то есть в баке, нет ни капли горючего.

А Андрюшка:

— Ну и что?

Тогда Мишка ему:

А вот как дам, тогда узнаешь — ну и что!

Тут и выскочили и крикнули:

— Наловить бак! Механик! Быстро!

И я грозно посмотрел на Костика. Он сейчас же сообразил, что это он и есть механик, схватил ведро и победил в котельную за водой. Он там набрал полведра горячей воды, прибежал обратно, взял на кирпич и стал заливать. Он наливал воду в самовар и кричал:

— Бить горючее! Все в порядке!

А Мишка стоял под самоваром и ругал Андрюшку на чем свет стоял.

И тут на Мишку полилась вода. Она была не горячая, но ничего себе, довольно чувствительная, и когда она залилась Мишке за шею и на голову, он здорово испугался и отскочил как опаренный. Самовар-то был, видите, дырявый. Он Мишку почти всею шеею, а главный инженер здорово захохотал:

— Так тебе и надо!

У Мишки прямо завертели глаза.

И я увидел, что Мишка сейчас даст этому нахальному инженеру по шее, поэтому и быстро встал между ними и сказал:

— Случайте, ребята, а как же мы назовем наш корабль?

— «Торпедо», — сказал Костик.

— Или «Спартак», — перебил Андрюшка.

Мишка опять обиделся и сказал:

— Нет уж, тогда «ЦСКА»!

Я им сказал:

— Ведь это же не футбол! Вы еще нашу ракету «Пахтатор» назовите! Надо назвать «Восток-Два!» Потому что у Гагарина просто «Восток», называется корабль, а у нас будет «Восток-Два!»

— На, Мишка, краску, кишка!

Он сейчас же взял кисточку и принялся мазать, сопя носом. Он даже вывернул язык. Мы стали глядеть на него, но он сказал:

— Не мешайте! Не глядите под язык!

И мы от него отошли.

А в это время встал драгунский, который я утащил из ванной, и измерил Андрюшке температуру. У него оказалось 48 и 6. Я просто схватился за голову; я никогда не видел, чтобы у простого мальчика была такая высокая температура. Я сказал:

— Это просто ужас! У тебя, наверно, тиф или ревматизм. Температура сорок восемь и шесть. Отойди пока в сторону!

И Андрюшка отшел, но тут вмешался Костик:

— Теперь осмотри меня! Я тоже хочу быть космонавтом!

Вот какое несчастье получается: все хотят! Прямо обхою от них нет! Всякая малагоза, а туда же! Я сказал Костуку:

— Во-первых, ты после коры. И тебе никакя мама не разрешит быть космонавтом! А во-вторых, ты никакя язык!

Он молча вынул кончик своего языка. Язык был розовый и мокрый, но его было мало видно. Я сказал:

— Что ты мне какой-то кончик показываешь? Давай весь вываливай!

Он сейчас же вывалил весь свой язык, так что чуть до ворот-

В АВГУСТЕ

ника не достал. Неприятно было на это смотреть, и я ему сказал:

— Все, все, хватай! Довольно! Можешь убирать свой язык. Чересчур он у тебя длинный, вот что. Просто ужасно длинный. Я даже удивлялся, как он у тебя во рту укладывается.

Костик совершенно растерялся, но потом все-таки опомнился, захопав глазами и говорит:

— Ты не тронь! Ты прямо скажи, гожусь я в космонавты?

Тогда я сказал:

— С таким-то языком? Конечно, нет! Ты что, не понимаешь, что, если у космонавта длинный язык, он уже нигде не годится? Он ведь всем на свете все разболтает, все секреты, где какая звезда вертится, и все такое. Нет, ты, Костик, лучше успокойся! С твоим язычком лучше на земле сидеть.

Тут Костик ни с того ни с сего покраснел, как помидор. Он отступил от меня на шаг, сжал кулаки, и я понял, что сейчас у нас с ним вычисется самая настоящая драка. Поэтому я тоже быстро подбежал к кулаки и выставил ногу вперед, — чтобы была настоящая боксерская поза, как на фотографии у чемпиона Геннадия Шаткова!

Костик сказал:

— Сейчас дам плюху!

А я сказал:

— Сам схватишь две!

Он сказал:

— Будешь валиться на земле!

А я ему:

— Считаю, что ты уже умер!

Тогда он подумал и сказал:

— Неохота что-то связываться!

А я:

— Ну и замолчи!

И тут Мишка закричал нам от ракеты:

— Эй, Костик, Дениска, Андрюшка! Идите надпись смотреть! Мы побежали к Мишке и стали глядеть. Ничего себе была надпись, только кривая и в конце завивалась книзу. Андрюшка сказал:

— Во здорово!

И Костик сказал:

— Блеск!

А я ничего не сказал. Потому что там было написано так:

«ВАСТОК-ДВА».

И я стал звать Мишку допекал, а подошел и исправил обе ошибки, я написал: «ВОСТОК-ДВА!».

И все. Мишка покраснел и промолчал. Потом он подошел ко мне, встал под козырек.

— Когда назначаете запуск? — спросил Мишка.

Я сказал:

— Через час!

Мишка сказал:

— Ноль-ноль?

И я ответил:

— Ноль-ноль!

Прежде всего нам нужно было достать взрывчатку. Это было нелегкое дело, но кое-что все-таки набралось. Во-первых, Андрюшка притащил десять штук слюняк бонгальских огней. Потом Мишка тоже принес какой-то пакотик, я забыл, как называется, вроде борной кислоты. Мишка сказал, что эта кислота очень красиво горит. А я приволок две шутихи, они у меня еще с прошлого года в ящике валялись. И мы взяли трубу от нашего самовара-бака, загнули с одного конца трыпку и затолкали туда всю нашу взрыв-

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО.

чатку и устрел ее как следует. А потом Костик принес какой-то поясок от маминго халата, и мы оделись из него бифкордов шпур. Все нашу трубу мы уложили на вторую ступеньку ракеты и привязали ее веревками, а шпур высталили наружу, и он лежал за нашей ракетой, и он лежал, как хвост от змея.

И теперь все у нас было готово.
— Теперь,— сказал Мишка,— пришла пора решать, что полетать Ты или я, потому что Андрюшка и Костик пока еще не подождали.

— Да,— сказал я,— они не подходят по состоянию здоровья.
Как только я это сказал, так из Андрюшки сейчас же вывалили слезы, а Костик отвернулся и стал коуцать стеньку, потому что из него тоже, наверно, заплакало, но он стеснялся, что вот ему уже скоро семь, и он плачет. Тогда я сказал:

— Костик назначаете у нас Главным Запукателем! А Андрюшка назначается Главным Запукателем!

Тут они оба повернулись к нам, и лица у них стали гораздо более веселыми, и никаких слез не стало видно, просто удивительно! Тогда я сказал:

— Мишка, а мы давай считаться на космонавта.

Мишка сказал:

— Только, чур, а считай!

И мы стали считать:

— Бац! Белый-куда-бежал-в-лес-дубовый-чего-дела-ляк-ляк-два-к-уд-д-ля-к-ляк-под-к-олоду-кто-укра-л-Спирит-Дон-Мордель-о-и-твистль-вн-иль-виль-виль-дон!

Бац! Мишка вылез выйти вон. Он, конечно, постарше и Костика и Андрюшку, но глаза у него стали такие печальными, что не ему лететь, просто ужас.

И сказал:

— Мишка, ты в следующий полет полетишь безо всякой считалки, надю!

А он сказал:

— Давай, садись!

Что же, ничего не поделив, мне ведь по-честному досталось. Мы с ним считались, и он сам считал, а мне вышло, тут уж ничего не поделив, и я сразу полез в бочку. Там было темно и тихо, особенно мне мешала вторая ступенька. Из-за нее нельзя было спокойно лежать, она выпялилась в бок. Я хотел вернуться и лечь на живот, но тут же треснула головой о бок, ой, вперед торчал.

Я подумал, что, конечно, удобнее сидеть в кабине, потому что аппаратуры очень много, даже чересчур! Но все-таки я приспособился, и свернулся в три погубила, и лег, и стал ждать запуска.

И вот слышу, Мишка врывает:

— Подготовься! Смирняк! Запукатель, не ковыряй в носу!

Иди к моторам.

И сразу Андрюшкин голос:

— Есть к моторам!

И я понял, что скоро запуск, и стал лежать дальше. И вот слышу— Мишка опять командует:

— Главный Запукатель! Готовые! Зажи...!

И я сразу услышал, как Костик завалился со своим спичечным коробком, и, наверно, не может от возмущения достать спичку, а Мишка, конечно, растягивает команду, чтобы все вместе совакло — и Костиния спичка и его команда. Вот он и тянет:

— Зажи...!

И я подумал: ну, сейчас! И даме сердце заколотилось! А Костик все еще брякает спичками. Мне ясно представлялось, как у него руки трясутся и он не может ухватить спичку!

А Мишка свое:

— Зажи... Давай же, вахла несчастная! Зажижж...

И вдруг я ясно услышал:

— Чирк!

И Мишки радостный голос:

— Жиж-гай! Зажиная!

— Глава зажурлил, съехался и приготовился лететь. Вот было бы здорово, если бы это широкое колесо и хвост кинулись! И я еще сильнее зажмурил глаза. Но ничего не было: ни зврзья, ни толчка, ни огня, ни дыму— ничего. И это наконец мне надоело, и я заорал из бочки:

— Скоро там, кто ли? У меня все без отложения! — ноет!

И тут ко мне в ракету всунулся Мишка. Он сказал:

— Баело. Вифкордов шпур отказал.

И чуть ногой его не лягнул от злости.

— Эх как, инженерные называювет! Простую ракету запустить не можете! А ну, давай же и!

И я вылез из ракеты. Андрюшка и Костик возлился с бифкордовым шпуром, и у них ничего не выходило. Я сказал:

— Товарищ Минчик! Синдикте с работы этих дурачков! Я сам! И подождал, и саксоварной трубе и паркам долее начал отворачивать ихний мамин бифкордов поясик. Я их кришуна:

— А ну, разоидись! Жмяо!

И они все рабежалась кто куда. А я запустил руку в трубу, и снова там все перемешал, и бегальские огоньки уложили сверху. Потом я вынес спичку и бросил ее в трубу. Я закричал:

— Држжж!

И отбежал в сторону. Я и не думал, что будет что-нибудь особенное, ведь там, в трубе, ничего такого не было, а иногда сейчас все было готово крикнуть: «Вух тварраха!» Как будто это зарыч, чтобы играть с кем-то, и я уже забрал воздух и хотел крикнуть погромче, но в это время в трубе что-то маваж свистнет, да маваж даде! И труба отлетела от второй ступени, и стала подлетать, и падать, и дым! А потом как бабахнет! Ого! Это, наверно, шутки там работали, но, вняк, или Минчик поромок! Вах! Вах! Вах! Я, наверно, от этого бахаля немножко струсил, потому что я увидел

перед собою дверь, и решил в нее убежать, и открыл и вошел в эту дверь, но это оказалась не дверь, а окно, и я прямо как бежал в нее, так отступился и упал прямо в наше домоуправление. Там за столом сидела Зинаида Ивановна, она на машинке считала, жосу трубу плавать. А когда она меня увидела, она, наверно, не сразу меня узнала, потому что а зашачиванный был, прямо из грязной бочки, лохматый и даже кое-где порванный. Она просто обомлела, когда я упал к ней из окна, и она стала обими руками от меня отжиматься. Она кричала:

— Что это? Кто это?

— И, наверно, я здорово смахнул на черта или на какое-нибудь подлое чудовище, потому что она совсем потеряла рассудок и стала кричать на меня так, как будто я был или существовал бы сродни змею.

— Пошло вон! Пошло вон отсюда! Вон пошло!

— А я встал на ноги, прибрал руки по швам и вежливо ей сказал:

— Здравствуйте, Зинаида Ивановна! Не волнуйтесь, это я!

И я стал потихоньку пробираться к выходу. А Зинаида Ивановна кричала:

— А! Это Денес! Хорошо же! Погоди! Ты у меня унаешь! Все расскажу Алексее Акимчу!

И у меня от этих криков очень испортились настроение. Потому что Алексей Акимч — наш управдом. И он меня к маме отведет и маме нажалует, и будет мне плохо. И я подумал, как хорошо, что это не было в домоуправлении, и что мне, пожалуй, все-таки надо денюха два-три не попадаться ему на глаза, пока все уладится.

И тут у меня опять стало хорошее настроение, и я бодро-весело вылез из домоуправления. И как только я очутился во дворе, а сразу увидел целую толпу наших ребят. Они бежали и гаделли, а вперед их довольно рано бежал Алексей Акимч. Я страшно испугался. Я подумал, что он увидел нашу ракету, как она лежит в воздухе, и сейчас бить, проливать трубу побела она или еще что-нибудь, и вот он теперь бежит развешивать виноватого, и ему что-нибудь сказал, что это и главный виноватый, и вот он меня увидел, а прямо торчал перед ним, и сейчас он меня схватит! И это все подумал в одну секунду, и пока я это все додумывал, я уже бежал от Алексея Акимча во всю мочь, но через плечо увидел, что он вринулся за мной со всех ног, и я тогда бежал мимо садика, и направо, и бежал вокруг гринбо, но Алексей Акимч кинулся ко мне наперерыв и прямо в брниках прошелная через фонтанчик, и сразу упало в ливни, и тут он меня ухватил за рубашку. И я подумал: все концы. А он перехватил меня двумя руками под мышки и как подкинет вверх. А я терпеть не могу, когда меня за подмышки поднимают, мне от этого щекотно, и я корчусь, как не знаю кто, и вырываюсь! И вот глажу на него сверху и ворчу, а он смотрит на меня и вдруг вылезает из того ни сего:

— Кричи «ура!» Ну! Кричи сейчас же «ура!»

И тут я еще больше испугался, я подумал, что он с ума сошел! И что, пожалуй, не надо с ним спорить, раз он сумасшедший. И я крикнул:

— Ура! А в чем дело-то?

И тут Алексей Акимч поставил меня наверх и говорит:

— А в том деле, что сегодня второго космонавта запустили! Товарища Германа Титова! Ну что, не ура, что ли?

Тут

— Конечно, ура! Еще какое ура-то!

Я так крикнул, что голуби вверх шархачулись, и Алексей Акимч улыбнулся и пошел в свое домоуправление!

А мы всей толпой побжали к трансформаторной и целый час слушали, что передавали про товарища Германа Титова, и про его полет, и как он ест, и все, все, все. А когда в радио наступил перерыв, я сказал:

— А где же Мишка?

И вдруг слышу:

— Я вот он!

И правда, оказывается, он рядом стоит. Я в такой горячке был, что его и не заметил! Я сказал:

— И куда же ты?

А он:

— Я тут. Я все время тут.

Я спросил:

— А как наша ракета? Взорвалась, небось, на тысячу кусков?

А Мишка:

— Что ты! Целенькая! Это только труба так тарарахта. А ракета, что ей сделается? Стоит как ни в чем не бывало!

Я сказал:

— Божак, посмотрю?

И когда мы прибежали, я увидел, что все в порядке, все цело, и можно играть еще сколько угодно. Я сказал:

— Мишка, а теперь два, значит, космонавта?

— Ну да, Гагарин и Титов.

А я сказал:

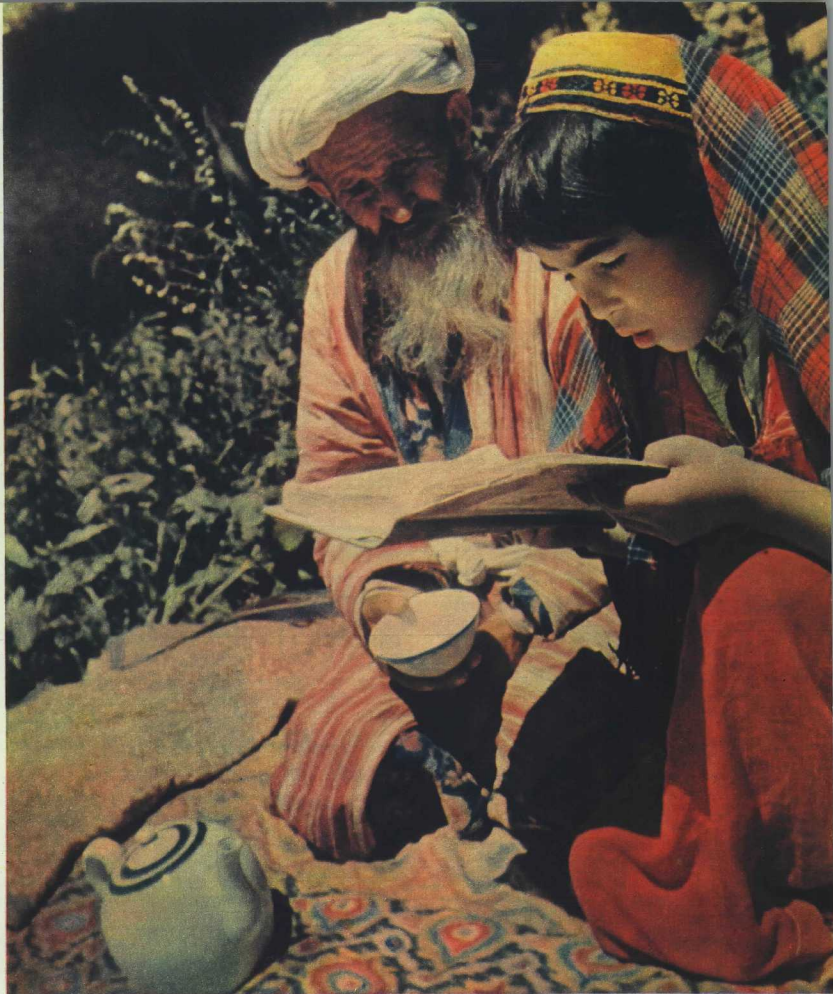
— Они, наверно, друзья?

— Конечно,— сказал Мишка,— еще какие друзья!

Тогда я положил Мишку руку на плечо. У него узкое было плечо и тонное. И мы так с ним постояли смирно и помолчали, а потом я сказал:

— И мы с тобой друзья, Мишка. И мы с тобой вместе полетим в следующий полет.

И я встал на ноги, и вышел из ракеты, и нашел красочку, и дал ее Мишке, чтобы он подержал. И он стоял рядом, и держал краску, и смотрел как я рисую, и тоже, как будто мы вместе рисовали, и я увидел еще одну ошибку и сказал, что ее исправил, и когда я закончил, мы отошли от ним на два шага назад и посмотрели, как красиво было написано на нашем чудесном корабле: «ВОСТОК-3».

За плечами у доброго, мудрого Файзуллы Назарова из таджикского кишлака Туткавуль большая жизнь. А юная пионерка Оялиа Хадима-назарова еще только стоит на ее пороге. Но с одинаковым интересом старик и девочка углубились в раскрытый том.

Лебедь книгу на берегах древнего Вахша. Читают здесь и стар и млад. Нередко и тех и других можно увидеть вместе. Получит старик свежую газету, позовет кого-либо из своих юных друзей: глаза у тебя построй, почитай...

И тогда забывается пиала с зеленым чаем, сосредоточенным становится взгляд слушателя и звучит среди широких листов задержный

молодой голос. Особенно волнуют туткавульцев вести со строительства Мурчиской гидроэлектростанции. Ведь где-то совсем неподалеку воздвигается это удивительное сооружение. День и ночь гудят на стройке экскаваторы, движутся страны мощных подъемных кранов... Как идут там дела? Нет ли среди передовиков знакомых имен? Послушает Оялиа старик Файзулла еще немного и обязательно скажет.

— А теперь давай посмотрим, что нового на стройке...

Фото Л. РАСКИНА.

Эта статья — ответ на многочисленные письма наших читателей. В ней рассказывается о том, как создается балетный спектакль.

Слова нашего отечественного балета равно уже знаменитой России — это искусство, которое не только заслужило уважение и признательность нашего искусства. Мы не перестаем восхищаться незабываемым мастерством Улановой, Пашковой, Лещинской и других артистов балета. А между тем для зрителей балет, пожалуй, наиболее «популярным» видом искусства. Как он создается, как рождается хореографическая балетная программа? Об этом и рассказывают читатели «Смены» искусств Н. Чернова.

Начало

Помню, композитор сам не мог точно вспомнить, когда у него впервые родилась мысль написать музыку к балету. Быть может, это было, когда он впервые услышал отрывки из «Лебединого озера» Чайковского. А момент был, на балете «Роже и Джульетта», где его потряс талант Ганни Улановой. Тогда он понял, что танец иногда может раскрыть больше, чем слово, о чувствах человека, о его настроениях, о радости и горе.

Танцевальную музыку он писал уже несколько лет. Но самое главное оставалось непонятным: он не знал сюжета своего будущего спектакля. Знал только, что это будет рассказ о любви, о светлых и радостных моментах. И этот рассказ сделают зрители танцевальными и танцовальными.

В наше время под словом «балет» понимается не просто танец, а спектакль, пьеса, рассказанная языком хореографии. И прежде чем написать музыку, композитор должен был найти драматурга-либреттиста, который даст ему подробную программу будущего спектакля. Не ту программу, что обычно продается в театре перед началом спектакля (она пишется для зрителей и передает лишь краткое содержание происходящего), а точное описание развития действия, времени, места, где разворачиваются события, характерными действующих лиц.

Встреча с либреттистом

Они встретились совершенно случайно. На одном из концертов в консерватории рядом с композитором сидел человек примерно его возраста и, вслушиваясь в голос певца, то и дело что-то пожимая плечами в балонете. «Иррационализм», — подумал композитор и убрался заглянул через плечо соседа. Сосед перекашлял его взгляд и виновато улыбнулся: «Эго не имеет прямого отношения к концерту. Я, знаете, в последнее время захожу к нейдеи написать либретто балета. Иногда интересные мысли приходят в самом неподходящее время. Вот и сейчас...»

С концерта они вышли вместе и всю ночь проводили по Москве. Много их с песнями проходили десятки классики. Начиная учебный год, и по старой традиции, недавние школьники шли на Красную площадь. «Вас представляете, сколько у них сейчас надежд, какие мечты!» — говорил композитор. «Всё, всё, как они все очень поют, а как у них в дальнейшем сложится судьба? Сколько из них и романчик найдут наконец и их в жизни...»

Они разговорились и видела перед собой себя по которому в танце кружится юные миссионы и миссионы. И оба уже знали, что это будущий балет. Вспомнил будущий героев, которые оказываются близкими каждому из сидящих в зрительном зале. Балет решили назвать «Романтизм».

«Секреты» кулис

Через месяц на столе у композитора лежала программа будущего спектакля. «А теперь», — сказал драматург, — программу нужно превратить в сценарий. Ты знаешь, что это значит? Все, что я написал, должно быть развито на музыкальные куски, эпизоды и номера. В них будем писать музыку. А позже эту музыку воплотит в танце балетмейстер. В этот момент создается только человек, профессионально разбирающийся в балете. Я думаю, что это делает постановщик нашего будущего спектакля!»

В театре, куда они пришли, чтобы встретиться с постановщиком балета, шла своя жизнь. «Балетмейстер на занятиях танцовальными...» — А после занятий у него репетиция. Они отстрили дверь и вошли в просторный зал. Чего-то он невольно наклонил своему, хотя здесь не было декораций, а танцовщицы были одеты в простые легкие туники. «Плохо», — догадался композитор, да, пол, на первый взгляд обычный, был покатым, так же как и сцена, на историческую балетные спектакли. Вместо одной из стем было огромное зеркало. Находясь из балерны могла проверить в нем правильность сделанного движения. Весь зал охватывали прощуря, за которые держались танцовщицы. Чи правде говорю, — прошептал либреттист, — все это мало похоже на тот балет, и которому мы пришли. Сюжет это напоминает гимнастику, «А это и есть гимнастика, тренировка для балерны его реплику, улыбку, подскок, ведущий урон.» В основе каждого танца лежат движения классики, так называемые «А» и в разных комбинациях и превращениях каждый день танцовщицы. Этим па всего семь, так же как в музыке семь нот, а много-

значимый, как он видит те или иные эпизоды балетной программы. На него стоило появляться все больше и больше интересные моменты для непостоянного иρούчниками, странными, черточками, обозначениями расположение танцовщицы на сцене, — реласе был и так.

Поставить балет — это проделать примерно ту же работу, что и режиссеру в драме. Но в драматическом театре есть текст пьесы. И режиссер решает, как довести его до зрителя. А балетмейстер приходится самому сочинять этот «текст» — те движения, которые потом станут зрелыми чертами.

И вот настал день первой репетиции. Балетмейстер и все участники будущего спектакля пришли на нее, чтобы ознакомиться с «небалетным» материалом. Они не встали на сцене — была задача, с которыми он выйдет за стол. Началась беседа о замысле спектакля, о выборе идей, об образах героев, замыслах танцовальными репликами, которые балетмейстер объяснил его роль, давая задания, с которыми он выйдет на сцену. Показывались и обсуждались моменты декораций, эскизы костюмов. Потом начались поиски «тенетас» — тех движений, из которых сложится наша речь. «Романтизм», Основным движением спектакля по-прежнему был классический танец, те самые знаменитые семь па, которые продолжают артисты балета каждый день на своих занятиях.

Балетмейстер приходил на репетиции строгим, раздумным, но добрым человеком. Он был раем, дескать раз было впервые и продумую за стенами театра и композитор и либреттист и встрече все больше начинал понимать, как из ничего и из ничего движения под звук его музыки рождалось искусство балета. Сидя на сцене, он слышал, как слышал красочный язык.

Как рождались сцены

В одной из сцен балета герой прощался с девушкой разную отъездом из родного города. Первую разную отъездом он должен был сказать ей о своей любви. Уже давно, на репетициях за столом, была решена основная схема этой сцены: смир и Улановой театра. Здесь идет свою любимую героиню. Встреча. Обозвонившись. И каждый идет свою признания. Происходит объяснение в любви. И в то время, когда девушка свисает от счастья, и она уже слышит, что должен уехать. Уехать, чтобы найти себя, поверить в свои силы.

Прежде, чем начать ставить эту сцену, балетмейстер спросил исполнителей рассказать, как они чувствуют себя в этот момент. Сестра сошла подылась крупная, застенчивая девушка. Какось, что танцевать ей намного легче, чем стоять на сцене. Она сказала: «Я хочу на свидание и человеку, которого я люблю...» — «А ты не любишь его?» — спросил балетмейстер. «Да, я люблю его, но не верю себе в этот момент влюбиться и еще немного стыда. Гордость не позволяет мне выдвигать свою руку...» — сказала девушка. «А ты не любишь его?» — спросил балетмейстер. «Да, я люблю его, но не верю себе в этот момент влюбиться и еще немного стыда. Гордость не позволяет мне выдвигать свою руку...» — сказала девушка. «А ты не любишь его?» — спросил балетмейстер. «Да, я люблю его, но не верю себе в этот момент влюбиться и еще немного стыда. Гордость не позволяет мне выдвигать свою руку...» — сказала девушка.

«А ты не любишь его?» — спросил балетмейстер. «Да, я люблю его, но не верю себе в этот момент влюбиться и еще немного стыда. Гордость не позволяет мне выдвигать свою руку...» — сказала девушка. «А ты не любишь его?» — спросил балетмейстер. «Да, я люблю его, но не верю себе в этот момент влюбиться и еще немного стыда. Гордость не позволяет мне выдвигать свою руку...» — сказала девушка.

«А ты не любишь его?» — спросил балетмейстер. «Да, я люблю его, но не верю себе в этот момент влюбиться и еще немного стыда. Гордость не позволяет мне выдвигать свою руку...» — сказала девушка. «А ты не любишь его?» — спросил балетмейстер. «Да, я люблю его, но не верю себе в этот момент влюбиться и еще немного стыда. Гордость не позволяет мне выдвигать свою руку...» — сказала девушка. «А ты не любишь его?» — спросил балетмейстер. «Да, я люблю его, но не верю себе в этот момент влюбиться и еще немного стыда. Гордость не позволяет мне выдвигать свою руку...» — сказала девушка.

Балетмейстер

А дальше пошли дни, вечера, заполненные работой. Если проследить за написанным композитором, тут же меняли некоторые куски в либретто, спорили, уточняли. Балетмейстер рас-

Следующая страница: Балетмейстер

Балетмейстер давал исполнителю «твист» объяснения. Вот он произнес еще несколько слов, и танцовщица закружилась в вихре головокружительных верхокружий, прыжков. И такая отага, такая жажда подвига была в его танце, что девушка невольно начала вторить его движениям.

А Балетмейстер смотрел, не отрываясь, оставив танцовщицу, и ждал, когда движение добьется наибольшей выразительности сцены. «Видно, здесь того чтобы просто встать на пальцы, отбегать в конец сцены, а потом повернуться, раскинуть руки, вырваться над землей... — слышались его слова. — Тут, когда ты узнаешь об отъезде, вообще не нужно танца как таневого», — говорил он плавно. — Смотри это уже пантомима». И на глазах многочисленных зрителей росла маленькая фигурка. Вспомогатель опускались руки. Сгибались плечи...

массовые танцы — другой и подруги героев. Они приходили в север и встречали влюбленную пару. Тут композитор постиг для себя еще одну, на этот раз, манеру, основанную «твистом» в содании балетного спектакля.

Кроме «твиста» танца, есть еще общий сценический рисунок движений, то, что в переводе на язык драматического театра называется выразительной — расположением и сменой групп танцующих.

Другой, подруги, был кордебалетом, но они принимали активное участие в действии спектакля; вирили влюбленных, веселились, танцевали. И Балетмейстер, наметив рисунок массового танца, добивался их активной роли в балете.

На суд зрителей

Со времени первой репетиции прошло больше трех месяцев. Уже давно были готовы декорации спектакля, давно исполнители репетировали на сцене в постановках и в гриме под оркестр. И вот пришла день премьеры. Зрители смотрели на сцену, волновались вместе с героями балета, восхищались музыкой, аплодировали исполнителям. И когда в последний раз зазвучали занавес после окончания спектакля, танцовщицы вывели на сцену немалого подтанцовочного человека, того, что был сердцем этого спектакля, кто создал эту зрелищную позу! — Балетмейстер, постановщик балета.

Балета «Романтизм» не существует на самом деле. Но приблизительно так происходит работа над рождением любого произведения хореографии.

И. ЧЕРНОВА

А что приносит исполнители?

Поздно вечером, когда в театре было уже пусто, композитор сидел в кресле, чтобы проводить ее до дому. Они вышли на улицу, оба уже погруженные в мысли о спектакле. — Скажите, а что по-настоящему свое можете принести в балет вы, исполнители? — спросил он. Девушка улыбнулась. «Балетмейстер знает лишь веки, пунктиром намечает характер и слезу танца. А я должна дать танцу смысл и душу. Это же роль. Будет исполнять другая танцовщица из второго состава. Мне по характеру балетмейстера, ей и нравятся. И я думаю, что мы с ней будем делать акценты на самых разных моментах роли. У моей героини вся душа влюблена, то есть, любви

мому человеку было лучше. Поэтому и соглашался на отъезд. А у второй исполнительницы это согласие придет от твердости ее характера. Вы наблюдайте, как работает над ролью мой партнер. В постановке в нашем дуэте дан ему движения, в которых он объясняется мне в любви. А потом сразу идет идея танцевальный элемент с героиней, романтикой. Объясняется в любви при помощи этих движений, ищет, вот бы какой танцовщица. А моему партнеру нужно выйти на сцену так, чтобы сразу стало ясно, что именно он герой этого спектакля».

Честно говоря, композитор тогда очень скептически поинял, что говорила ему его студентка. На репетициях он стал внимательнее всматриваться в исполнительницу. И в конце концов понял: когда Балетмейстер предлагает танцовщицу то или иное па, исполнительница сначала просто выучивает его. И лишь постепенно начинает вкладывать в танец «смысл и душу». И концу работы любое место спектакля у главного исполнителя звучало мужественно — таким был его герой. А потом сцену сдвигал Балетмейстер вел

КОСМОС С КОНТИКИ — ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНЫ»

В Советском Союзе побывал Тур Хейердал, шведский норвежский ученый и путешественник, автор книг «Путешествие на «Кон-Тики» и «Кру-Асу».

Тур Хейердал ответил на вопросы, заданные ему при встрече с нашим корреспондентом.

— Какова цель Вашего приезда в Советский Союз?

— Я прибыл сюда как частное лицо для изучения в библиотеках Ленинграда материалов, относящихся к теме, над которой сейчас работаю. Русские путешественники XIX века Ю. Лисицкий, О. Коцебу и Н. Миклухо-Маклай, как известно, внесли немалый вклад в изучение истории острова Пасхи. И мне чрезвычайно важна и интересна эта информация. Они будут использованы во второй книге трагического научного отчета о поездке на этот остров.

— Как Вы расцениваете свое путешествие на острова Полинезии?

— Я очень доволен этой экспедицией. Результаты ее превзошли все ожидания. Наши открытия опрокинули прежние представления об острове. Исследования показали, что заселение острова произошло на тысячу лет раньше предполагаемой даты. Ученые считали, что на острове существует единая культура. Раскопки показали, что это было три. Последней культуре полинезийской, известной нам, предшествовали иноземные культуры народов Южной Америки, а не Азии, как считали ученые раньше. Мы проводили интересные исследования и пришли к выводу, что остров не был таким безлюдным, как сейчас. Пробы, взятые в болотах на глубине восьми метров, показали, что остров покрывала богатая субтропическая растительность. Мы

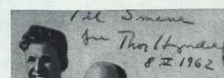
раскрыли тайны сооружения гигантских ступай. Но об этом читателя «Смены», очевидно, знают из книги «Путешествие на «Кон-Тики» и «Кру-Асу».

— Каковы Ваши дальнейшие планы?

— Сейчас, как я уже сказал, обрабатываются материалы, собранные в экспедиции. Кроме того, мне поручено руководить археологическими раскопками и палеоботаническими исследованиями на островах Тихого океана, в частности, на Маркизских островах и на островах Пасхи.

— Кто финансирует ваши экспедиции?

— Все экспедиции до сих пор финансировал я. Не существовало никаких денег работать как журналисту, и все деньги, полученные от книг и статей, шли на оборудование и проведение путешествий. В государственные учреждения я всегда обращаюсь за помощью и не обрадовался никогда, зная, что у государства много нерешенных и более значительных проблем, чем мои экспедиции. Единковые несколько лет у меня уйдут на научные исследования. Это будут академические трактаты, и они, безусловно, не вызовут интереса у широкой публики. Поэтому рассчитывать на будущие гонорары для дальнейших своих путешествий мне, конечно, не приходится. Я надеюсь, что мне помогут созданный нами в Осло музей «Кон-Тики», куда я безвозмездно передаю все ценные экспонаты, собранные на острове Пасхи, а также лодку. Доходы от музея уйдут на помощь студентам-антропологам. Сейчас музей стал очень популярным и по числу посетителей. Я надеюсь, все музей страны. Его доходы растут, и я надеюсь, что мне удастся получить какую-то

Тур Хейердал (третий слева) среди участников экспедиции на «Кон-Тики». На снимке: автограф «Смене». Тур Хейердал.

часть его бюджета для того, чтобы привлечь к научным исследованиям ученых-специалистов.

— Каков впечатление получили Вы от поездки по Советскому Союзу, как встречали Вас советские люди?

— Всюду принимали меня с большой заинтересованностью, теплотой. Книжки мои действительно очень популярны в Советской стране. Очень приятно отметить большой интерес к науке во всей стране. Меня поразил тот, что знаниям у советской молодежи, ее глубокая осведомленность во многих областях науки. Я ужасно с собой грубого убеждения в том, что советские люди хотят мира так же, как и народ моей страны. Как палеонтолог, изучающий культуры народов, я хорошо понимаю, какая цель человек на протяжении всей истории остается человеком, то есть он всегда хочет жить и быть счастливым. И в обращении со всем людьми, чтоб они добивались контакта между собой, несмотря ни на какие политические барьеры.

Каковы Ваши пожелания советской молодежи, в частности читателям журнала «Смена»?

— Если человек хочет обрести в жизни счастье, он не должен думать только о себе, но должен заботиться лишь о том, что принесет непосредственную выгоду ему одному. Долг человека — жить для окружающих, для родины, для всего мира.

Чем больше вы делаете для других, тем лучше будет и вам самим. Самый счастливый тот, кто может сделать что-либо хорошее для всего мира. А это зависит от нас всех, кто не жалеет сил в строительстве мостов дружбы между народами.

Если вы поставили перед собой главную цель жизни, — пусть это будет достойная, великая цель. Если мы будем делать даже самое малое, что поможет создать дружбу и мира между людьми, — и в обращении со всеми людьми, построим такую крепость мира, которую ничто не сможет разрушить.

На девушке — выходящее платье из легкой шерстяной ткани. Линия талии лишь слегка обозначена выточками. Кинзу платье расширено и отделано вышивкой. Юноша одет в куртку спортивного покроя. Рукава — фасона реглан.

Свой рабочий туалет можно разнообразить, постоянно внося в него новые детали. И для этого вовсе не нужно иметь богатого гардероба. Вам понадобятся только выдумка и чувство юмора. Сегодня можно надеть юфточку, завтра под жавет показать напрокатный шарф (шарфы модны в этом сезоне), а на следующий день — бусы. Истатьи бусы можно собрать и сделать самой, подбирая илочки разных цветов, форм и размеров. Конечно, на работу следует надевать одежду скромные илочки, а идя в театр или в гости, можно украсить свой костюм широкими раскрашенными «каскад». Очень современны керамические бусы.

Поскольку разговор у нас зашел об «отделках», об украшениях, обратим наше внимание на то, что серьги, клипсы и браслеты сейчас не в моде. И вообще туалет современной девушки не должен быть перегружен. Удачно подобранный сумка и в цвет ей обувь или перчатки тоже могут служить хорошей отделкой.

Летним солнечным днем приятно надеть легкое платье из тисненого сатина или набивного репса, из шифона, из гладкого или набивного натурального и искусственного шелка. В платьях воротники небольшие, английские, и ним хорошо пристегнуть модный в этом сезоне галстук и открытые платья — самые разнообразные вырезы: юбки прилегающие или полуприлегающие, иногда с напуском; линии расширенные

За последние годы в моде резких изменений не произошло. Пальто или костюм, сшитые год-два тому назад, не потеряли своего «современного звучания», не перестали быть модными. Но если в этом сезоне вы решили сшить новое платье или костюм, вам уже не захочется повторить прошлогодние фасоны. Так что же предложит вам мода лета и осени 1962 года?

Модели этого сезона стали четче обозначать силуэт фигуры. Модельеры отказались от громоздких воротников и мармонок, от тяжелых линий и мешковатых форм. Платье-рубашка, спрятавшая очертания фигуры, постепенно заменяется более женственным, приталенным платьем.

Красива и нарядна юбка, расклешенная кинзу, образующая так называемый «колокольчик». Юбку выкраивают прямую; силуэт пришивают широкую юбку или втачивают по бокам косые складки, либо глубокие зауженные складки.

По-прежнему нарядным, практичным, а поэтому наиболее любимым нашими девушками остается платье-костюм. В таком костюме можно ходить и на работу, и в гости, и на прогулку, и в театр. Для работы сшейте себе юфточку из набивного поплина, сатина или кашемира.

Платье из набивного поплина...

Платье из поплина, приталенное и расширенное кинзу за счет боковых складок. Пальто из плащевой ткани.

свое

кинзу, в легкой клеши или с боковыми складочками.

Для прохладной или пасмурной погоды рекомендуются летние пальто из плотной цветной шерсти, а для весны и осени — пальто более теплые из престоков, буклированных тканей. В этом сезоне модны и пальто-рубашки, расширенные кинзу, со слегка намеченной линией талии, с небольшими воротником простой формы, с укороченным втачным рукавом. К таким пальто хороши мажорские, без полых шпални или береты.

Интересно отметить, что в этом сезоне художники-модельеры придают большое значение окраске, цветовой гамме одежды. Так, общепризнано, что самыми модными стали мягкие, приглушенные тона: в зеленой и сине-зеленой гамме — коричневой, оранжевой и бежево-розовой.

Черный цвет остается в моде, как всегда. Он элегантен и торжествен. Поэтому наиболее популярны для нарядных вечерних туалетов. Для отделки черного шерстяного платья можно использовать атлас, блестящий креп-сатин.

Интересен новый, только что появившийся в продаже материал «мосмос». Он очень эффектен в вечерних туалетах.

В мужской одежде изменений в этом сезоне не произошло. Пальто остаются по-прежнему украшенными. Поднялся двубортные и однобортные. Ширина бровей — 21—23 сантиметра. Модны рубашки из легкой цветной шерсти, а летом в жаркой дева — из набивной поллины или репса. Цвет носков, галстука выбирается не по контрасту, а в сочетании с цветом костюма. Наиболее распространенная цвет мужского костюма — черный, синий, серый, оливковый.

Каждый юноша, каждая девушка хочет быть одетыми современно, модно. И это — нужное, верное желание. Но что же в конечном счете определяет внешний вид нашей молодежи? Конечно не, не только современные линии, силуэт и цветовая гамма вашей одежды, но и опрятность, умение носить вот костюм, то есть то, что мы называем хорошим тоном, хорошим вкусом. Ведь недавно говорят: «искусство одеваться». Да, это, если хотите, действительно искусство. В одежде, как и в произведении искусства, должно быть соблюдено чувство меры, пропорция, гармония или то самое понятие «чуть-чуть», за границей которого и пропадает всякое искусство. В одежде это означает: ничего кричащего, ничего лишнего, броского, иначе будет вульгарно, безвкусно. Никакая деталь в туалете должна быть необходимой, естественной, найденной, как бы без усилий. Ваше платье должно нравиться вам самой, тогда и в манерах не будет неловкости, нервозности, недовольства.

Умение держаться, владеть жестами, мимикой лица — всему этому очень важно научиться с ранних лет. И потом: никогда не надо чувствовать неловкость, смущение оттого, что вы одеты не так модно и красиво, как, скажем, ваша подружка, которая идет с вами рядом. Здесь опять должно вас выручать умение носить платье и держаться.

Итак, не только мода должна определять наш гардероб. Мы должны соединить моду с особенностями своей фигуры, своего лица, своему вкусу и, конечно, своим материальным возможностям. Не того, что предлагает нам мода, выбирайте только то, что вам идет, то, что она создала именно для вас!

Л. ВАСИЛЬЕВА

— Для вас!

Летнее пальто из плащевой ткани на плечевой подкладке. Розовый плащ — прямой, с наклонной кокеткой. Желтый плащ слегка расширен внизу. Шапочка из той же плащевой ткани. Пальто красное из легкого драпа — однобортное, прямое, расширенное внизу (снимок с ним о.к.).

Мужский костюм из светлой плотной шерсти. Манжет прямой, приглаженный, без воротничка. Юбка несколько расширена внизу, с двумя большими отстроченными складками.

В мужском костюме — однобортный пиджак, застегивающийся на две пуговицы. Брюки без манжет (снимок с слева).

Костюм для работы из шерстяной ткани. Манжет отделан байкой и иппаланом; пришивной воротник и манжеты из белой шерсти. Юбка прямая с двумя складочками по бокам и одной — сзади.

Сарафан из ткани с орнаментом по мотивам восточной иероглиф. Лиф полуприлегающей формы, юбка широкая, для сохранения формы понизу проложено корсаж (снимок крайний справа).

Поговорим о «культуризме»

Этот спор завеша случайно на одном из подмосковных пляжей. Вряд ли бы была разная роль: журналист, физиолог, врач, кинематограф. Мы выжили и разговаривали о спорте. Вдруг худощавый человек сказал: — Посмотрите, какое убожество!

Мы острелили. Ничего, что перед бы привлека внимание. — Неужели вы не замечаете? Могли бы образцы физического уродства — и худощавый указал на молодого человека, выходящего из моря.

Собственно говоря, это был обыкновенный парень. Лишь нам, людям, увлеченным спортом, могла броситься в глаза его неказистая фигура с узкими, почти мятыми плечами, гладким животом и тонкой шеей.

— Что же в нем убогого? — произнес инженер. — И можно ли характеризовать человека, если вы вылезаете только на внешнем виде? Может быть, в будущем он станет знаменитым чемпионом или чемпионом. Может быть, сейчас у него не хватает времени для занятий спортом. В конце концов спортсун у нас занимается лишь 14 процентов людей.

При чем здесь спорт? — возразил худощавый. — Вопрос о красоте человеческого тела. Природа в этом отношении капризала людей огромными возможностями. Воспитает Афинской, известна ли вам, что в Древней Спарте считали, что человек — хозяин своего тела и должен строить его так, как этого требуют законы красоты? В противном случае он просто лентяй.

Да, но ведь это было давно, тогда люди не были вооружены всеобщей техникой... заметил физиолог. — В наше время — время автомата, автомата, автомата, разумно — невозможно снижение физических показателей человека.

— Глупости! — вылезался разгневанный доктор. — Это, знаете ли, древняя история. Разум, разум... Разум человека — величайший природный и физический совершенства. Возможности человека в этой отношении бескрайны. Если он использует их пока что в ничтожной мере, то только из-за отвлеченного отношения к своему телу, к его красоте и здоровью. Да, да, да, именно это понятие вместе...

Вот именно! — воскликнул худощавый. — Антино, Аполло... При чем здесь Аполло... — перебил доктор. — И чему такие дремлюти? У нас есть примери спорта современности. Газета, газета штатского Курьюмо, гимнастов Азарина и Боскина, плавец Колосинского, наконец, прыгуня Брумель не образцы того, чего не может достичь человек?

— Истату, доктор, ваша фигура

тоже могла бы стать образцом, — сказал яруг худощавый.

Действительно, доктор был сломен выслушан. — Между прочим, — ответил доктор, — красота имеет честь и обязан вовсе не спорту. Правда, она может быть спортивной, — три года занимался спортом, — и вылезаете на суд. После этого случайного спорна на пляже яруге заинтересовался «культуризмом».

Что же такое «культуризм»? — Как одно из разнообразий физического движения, «культуризм» возник в начале пятидесятых годов. Причиной его появления послужили заботы человека о красоте своего тела и здоровья. Истату, интерес и «культуризм» проводили в русские атлеты (Брилов, Ганевичицки), неоднократно выступавшие на конкурсах красоты телосложения. Цель, преследовалась одна — стать здоровыми, красивыми, сильными.

Уже в тридцатых годах были организованы первые конкурсы красоты. Мир узнал первых их победителей — счастливых обладателей титула «мисс Америка». Разрабатывались и совершенствовались правила конкурсов. Международная федерация гиревого спорта и культуризма вынесла оценки за пропорциональность сложения, развитие мускулатуры, общий внешний вид, красота кожи, причёску, умение держаться, говорить и т. д. И, наконец, спортивную подготовку. Примерно по таким же показателям определялись победители на конкурсах во Франции, Италии, Англии, Польше.

Помимо рядом с любительским «культуризмом» в США постепенно возник «культуризм» профессиональный. Предприниматели давали задание, что на стремлении молодежи и красоте можно неплохо заработать. И морданы и сверхфизическими достижениями.

Что же такое американский профессиональный «культуризм» сегодня?

— Сенсация! Сенсация! Сенсация! Брис Рэнделл установил феноменальный мировой рекорд. За два года он увеличил свой вес на 160 килограммов. Спусти полтора года он восстановил свое прежнее форму! И это с помощью «культуризма». Сенсация! Сенсация! Сенсация!

Сенсация, подобной этой, ежедневно публикуется в американских газет и журналов. С этих страниц всему миру дарят сенсационные фотографии американских парней-красавцев, не сложенные парни-красавцы, рекламирующие различные гонтели и спортивные принадлежности, прославляющие американский образ жизни. Это муж-репродукция — культуризм — наращивающие мускулы с одной лишь целью — сделать тело красивым. Бесконечен поток Бобов, Диплов, Питов, удивляющих муж исполнением тяжелой спортивной работы объемом грудной клетки, бицепсов

или бедер. Они демонстрируют свои мускулы на конкурсах красоты, приносят немалые прибыли своим антрепренерам. Они вылезают из города в город, вербуя новых поклонников, желающих стать такими же супермалыми. Всем своим видом они говорят: «Не заботьтесь над жизнью. Становитесь такими, как мы. Вас полюбят девочки миллионеров, и вы будете счастливыми и богатыми. Не заботьтесь над жизнью».

Такая внешняя сторона буржуазного «культуризма». Она никак не отличается от профессионального спорта, в котором тоже господствует стремление к новизне, сенсации и рекламе. Она отвратительна, как отвратительна и то, что вмешивается желтый дьявол бизнеса.

Поча что мы ведем разговор только о внешней стороне американского культуризма? Может быть, дальше не стоило бы о нем говорить, если бы не один факт, который обращает на себя внимание.

Возьмем тот же рекорд Бриса Рэнделла. Рэнделл проделал на себе отчаянный эксперимент, определивший все наши представления о возможностях человека в наполнении и росте веса. Рэнделл действительно увеличил, а затем уменьшил свой вес на 160 килограммов. При этом он неоднократно значительно увеличивал свою силу. Приводимая ниже таблица красноречиво подтверждает это.

	Вес кг	Внешнее су
3 января 1953 г.	82	41,3
2 августа 1955 г.	182	49
20 марта 1956 г.	83	43,8

Какие же путем шел Рэнделл? Увеличения веса он добился за 7 месяцев с помощью легкой тренировки. Согнал вес тем же путем, как и набрал. Бобам, что после столь необычного эксперимента Рэнделл внешне выглядел как и прежде. Он неоднократно выступал на конкурсах красоты телосложения, завоевывал много из них призовые места. Противники «культуризма» любят ссылаться на то, что и культуристы якобы курят мускулы, что эти люди не способны поднять даже штангу, равную собственному весу. Однако более глубокое знакомство с «культуризмом»

убеждает в другом. Заметим, что «культуризм» не телеша атлетика, цель которой — достижение максимального результата в соревновании. Задача «культуризма» — воспитание человека, обладающего развитым телом. И тем не менее многие «культуристы» достигают. Так, известный польский культурист Я. Бисонек (собственный вес — 82,5 килограмма) показав следующие результаты: приседает со штангой весом в 195 килограммов, имеет сумму мышечных сил в 22 килограммов, другой польский культурист, приседает со штангой в 180 килограммов. Американский культурист Роберт Бисонек (собственный вес — 90 килограмм) приседает со штангой в 200 килограмм, выжимает лежа 164 килограмма, в сумме троекратно имеет 22 килограммов. В целом примеров можно привести очень много. Новоземцам согласитесь и с тем, что «культуризм» вреден для спорта. Нам известны имена многих победителей конкурсов красоты телосложения на звание «культуризм» — «мистер Вселенная». Все они, как правило, имеют слабое здоровье. Многие то, целый ряд сильнейших спортсменов пришел в

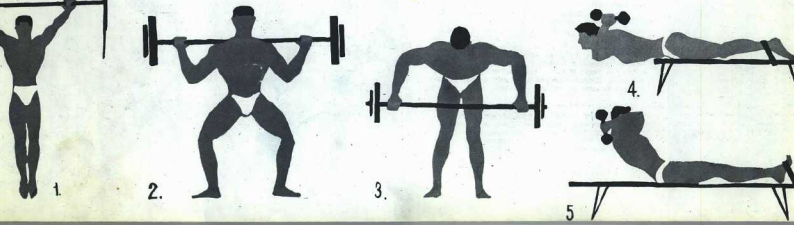
большой спорт из «культуризма». Их имена служат лучшим доказательством пользы «культуризма». Это штатские (Мюло, Станно Винчи (ША), Мартин Инго, Навело (Италия), Уам Чиньяри (ИЯР) и многие другие.

Подозрите, радуясь, — нередко говорят противники «культуризма» — «культуризм» вреден для здоровья. Это заявление не подтверждается. Во многих странах проведены медицинские обследования занимающихся «культуризмом». Тщательному осмотру подвергались тысячи людей. Здоровье подавляющего большинства оказалось значительно лучше, нежели

Грузы кг	Тяга кг	Бегать м	Глянец кг	Приседание кг	Висит на перекл
114,3	78,8	58,4	40,6	86 кг	
152,5	127,5	89,9	56,5	310 кг	
124,5	73,7	62,9	43,2		

до начала занятий. В этом отношении любопытно расказать об истории появления «культуризма» в Польше. Оно началось в основном благодаря известному чемпиону мирового конкурса на красоту телосложения, состоявшегося сразу же после окончания войны. Чемпионом мира по телеша атлетике 1955 года стал польский культурист Я. Бисонек. Он весил 82,5 килограмма. Развитие «культуризма» в Польше началось с 150 тысяч мускулов, вес которых достиг 10 кг. При этом культуризм в Польше руководит специальная комиссия, созданная при Польском национальном олимпийском комитете. Штанги ведутся под лозунгом: «Станем здоровыми, сильными, красивыми». Первая конференция польских «культуристов» записала в

1. Подтягивания на перекладине. 2. Приседания с весом. 3. Тяга в наклоне. 4. Упражнения для дельтовидных мышц. 5. Упражнения для мышц живота.

своим решением: «Целью нового направления является «спортивная деятельность — культуризм» — является поощрение любительских физических упражнений оздоровительного и легкого характера, которые естественным образом дают правильное гармоническое развитие человеческого тела, развивают силу, двигательные способности и оказывают одоразличное влияние на организм занимающихся». И далее: «Культуризм — средство гармонического и эстетического развития мышц, являющихся на красоту человеческого тела.»

Воспитание красивого, гармонично развитого человека, которому ставят перед собой «культуризм». И далее: «Целью системной тренировки с отягощениями.

Существует много систем тренировок, проверенных и научно обоснованных. Кроме того, имеется «мистер Универсум» — победитель мирового конкурса «культуристов», — как правило, имеет собственную методику. Мы познакомились с методикой Вейера. Все наиболее популярной системой. Автор — американец Вейер. Все называющиеся «культуристы» изучают Вейеровскую методику.

Ее основа — огромное количество упражнений для всех групп мышц. Занимаясь по этой системе, уже за один год можно добиться весьма хороших результатов, то есть развить в полном смысле слова атлетическую фигуру.

Цели занятий распадаются на четыре курса. Цель первого курса — увеличение массы мышц. Для этого предлагаются примерно пятнадцать упражнений. Основные из них: «гитза» в наклоне, приседания с весом,жим тяжести лежа, стоя и сидя, подтягивание на перекладинах средним и широким хватом, притягивание веса на бицепсах под разными углами, упражнения для развития дельтовидных мышц и мышц брюшного пресса. Повторяет упражнение огромное количество. Занимающийся может даже сам разнообразить. Все побирается такой, чтобы занимающийся мог без особого труда поднять его десять раз. Так определяется вес для каждого упражнения. Сами упражнения выполняются в медленном темпе, в четырех-пяти подходах по шесть — восемь повторений в каждом подходе. Эта дозировка упражнений считается наиболее эффективной. Обязательно следуют условия: только завершая упражнения для одной группы мышц, можно приступать к работе с другой группой мышц. Занятия проводятся три раза в неделю по 2—2,5 часа.

Через три месяца культуристы переходят ко второму курсу. Наряду с увеличением массы занимающийся добивается еще и хорошего рельефа мышц. Занятия ведутся уже как раз, но все побирается такой, чтобы последние (шестое — восьмое) повторения каждого упражнения выполнялись с максимальным напряжением. Упражнения те же, но продвигаются в более быстрое темпе. Общее время занятия постоянного увеличения веса (как только занимающийся начинает чувствовать, что упражнения выполняются легко, вес снаряда увеличивается на 2—4 килограмма).

К третьему курсу приступают обычно через пять-шесть месяцев после начала занятий. Он самый важный в подготовке культуриста и дает максимальный рост массы и силы мышц. Тут используются в основном пять упражнений: «гитза» в наклоне, жим лежа и сидя, приседания с весом, притягивание на бицепсах, а хватом и подтягивание широким хватом на перекладинах. Каждое упражнение выполняется в двух подходах, по шесть повторений в каждом подходе. Вес максимальный. Как и в втором курсе, вес постепенно увеличивается.

Считается, что после восьми месяцев занятий культуристы имеют перед собой монументальную культуру — специализацию. Какими из занимающихся имеет свои особенности. К этому времени они преобладают в полной мере. У одного преобладают «недрезанные» бицепсы, у другого — грудные мышцы, у третьего недостаточный рельеф мускулатуры. «Культурист» подбирает теперь упражнения, исходя из своих особенностей. Например, для увеличения рельефа мышц упражнения выполняются в максимально быстрое темпе по 30—80 повторений в подходе. Для увеличения мышц, отстающих в своем развитии, подготавливаются упражнения «разогревающие» эти мышцы под разными углами, отбиваются наиболее эффективными вес снарядов. Замечают, что отдых между подходами во всех курсах занятия — от одной до трех минут. За этот отдых времени «культуристу» успевает предельно легкий массаж и дыхательные упражнения.

Воспитание красивого, гармонично развитого тела. Что же подразумевается под этим? Многолетней практикой «культуризма» определены наиболее эффективные показатели. Новым они: Объем груди должен относиться к объему тали, как 10 к 9. Шея составляет 38 процентов к объему груди, бицепсы — 35 процентов, предплечья — 30 процентов, талия — 75 процентов (все относительно к объему груди). А наклоно самое благоприятное соотношение силы различных мышц? Считается, что если человек левша выжимает штангу весом в 120 килограммов, то он должен приседать с весом в 200 килограммов и подтягивать на бицепсах 60 килограммов.

Но можно ли считать себя красивым, даже добившись таких результатов? Нет. Ну, чтобы уметь красиво двигаться, заниматься надо, правильная осанка, изящная походка. Каждое из этих качеств

требует особой заботы и по-своему ириотлетичного труда.

Мы познакомились с двумя сторонами «культуризма». Давайте же отбросим его внешнею оболочку, присущую разлагающейся растительной буржуазной культуре. В «культуризм» нас интересуют его суть — система упражнений с отягощениями, ведущая к быстрейшему росту мышечной массы, силы и улучшению здоровья. И эту систему упражнений, безусловно, можно и следует принять на вооружение как одну из составных частей физического воспитания молодежи.

Действительно, давайте порассуждаем о возможной пользе «культуризма».

В Программе Коммунистической партии говорится: «Современное поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Какими же должны быть люди первого в мире коммунистического общества? Программа партии отвечает на этот вопрос: люди должны считать в себе духовное богатство,

моральную чистоту и физическое совершенство.

Итак, на повесть для — разговор о физическом совершенствовании человека. К сожалению, ученые пока точно не установили, какие обязательные нормы подражания следует под физическим совершенством. Однако наивернейшим образом и прочими факторами сюда войдут и такие, как сила, здоровье, красота. А эти качества как нельзя лучше воспитывает система упражнений, объединенная под названием «культуризм».

Неважно, как будет называться новое явление: «культуризм» или, как предлагают некоторые специалисты, атлетической гимнастикой. Система упражнений «культуризма» полезна. Она привнесла много во всем мире. Мысли наши деятели спорта откровенно признали за нее. А тысячи юношей начали уже самостоятельно заниматься «культуризмом». Правда, они не имеют пока другими ни снарядов, ни методики. А ведь это очень важно — даваться планомерно, по проверенной методике. Только такая занятая и могут принести максимальную пользу.

Сейчас в нашей стране спортом регулярно занимается 35 миллионов человек. С помощью «культуризма» можно привлечь к спорту еще 35 (если не больше) миллионов людей. Разве это плохо? Разумеется, нет.

Возможно, в будущем мы признаем подвидом и конкурс красоты телосложения. Понятно, что эти конкурсы будут отличаться от американских. Они будут в полном смысле слова инстинктивными. Мыслью недавно был проведен телосложения конкурс. Выявлен и первый победитель.

Наша молодежь стремится к красоте. Она хочет видеть вокруг красивых домов, красивые цветы, красивые одежды. Красоту жизни она стремится видеть в красивых открытиях, в великих стройных девушках, мужчинах. И красоте тела, к здоровью, и силе, и культуризм — одно из средств в достижении этих целей. И пора наконец занять очередь им зоркий свет.

6. Упражнения для мышц шеи. 7. Жим тяжести лежа. 8. Наклоны с тяжестью. 9. Притягивание веса на бицепсах.

7.

8.

9.

Путность.

Рисунок В. Роголина.

Оптимист.

Рисунок Ю. Популанова
и А. Федорова.

Первая страница обложки: фотозулы
Я. ХАЛИПА и А. МАЛКИНА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, В-68, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-79-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы
и искусства — доб. 2-15; очерки и публицисти-
ки — доб. 3-52; международной жизни —
доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44;
науки и техники — доб. 4-79; письма — доб. 2-33;
науки и техники — Е 7-65-82; информация —
Е 7-65-82; оформление — Е 7-61-32.

БУДЬТЕ МАЛОТКИ

Осторожный халуга начал строить
собственный дом с запасным выходом.

*

Из рецензии: «Ваша повесть «Сол-
датские оуди» покоряетелана. Чу-
ствуется сильное влияние «Устава
загребней службы». В. ЛЕВИН
(г. Харьков).

*

Председатель колхоза сказал:
— После меня хоть трава не расти!
И действительно, после него стали
савать кукурузу и сахарную свеклу.
Колхоз пошел в гору...

*

— И как же правление колхоза на-
казало заведующего молочной фер-
мой? Ведь он, коровник в свиновод-
перевратил!
— Его послали теперь заведовать
свинофермой. В. ЛОМАНЫЙ
(г. Ленинград).

*

— Не бойся, Люся, иди. Профессор
девичьим двойки не ставит!
— Да? Не понимаю, за чего же
тогда он принял меня в прошлую сес-
сию? С. КУЧЕРОВА
(г. Горький).

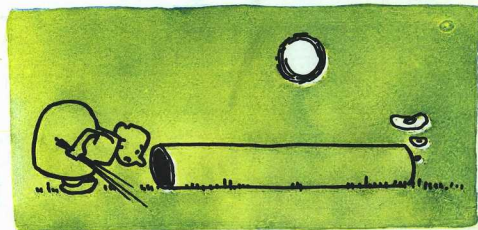
— За пеней вы последний?

Рисунок Р. Овчинна.

Сюрпри.

Рисунок Ю. Солина.

— Доберусь же я до тебя, непогодный мальчишка!

Рисунок Г. Оганесова.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. До-
матовский, С. В. Егоров [ответственный секре-
тарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумневич [замес-
титель главного редактора], Е. И. Рябченко,
А. А. Сосни, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Б. Стуков.
Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 03903. Подписано и печатно 2/VI 1962 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 1048.
Заказ № 1408. Формат бумаги 70 × 108/16.
2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, ул. «Правды», 24.

МЫ ПРОСТЫЕ ДАРНИ

Широко, четко
Характерная эlasticность на протяжении всей песни.

Музыка Евгения ЖАРКОВСКОГО.
Слова Юрия КАМЕНЕЦКОГО.

День московский затих,
И закончилась смена.
Из ворот заводских
Мы выходим степенно.
И подружки не сдают
С нас улыбочных глаз...

Мы простые ребята,
Заводские ребята,
Скажем прямо, рабочий класс.

Мы идем по стране,
По дорогам нелегким.
Расцветать целине
И таежным поселкам!
Может смело Отчизна
Поможется на нас:

Мы простые ребята,
Заводские ребята,
Скажем прямо, рабочий класс.

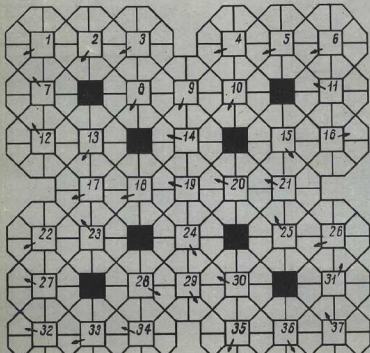
Прочно в небе легла
Наша звездная трасса.
Знать, непохожи дела
У рабочего класса.
И просторы Вселенной
Нас зовут в добрый час...

Мы простые ребята,
Заводские ребята,
Скажем прямо, рабочий класс.

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты для голоса и фортепиано, а также текст песни. Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты для голоса и фортепиано, а также текст песни.

К Р О С С В О Р Д

Составил З. КОЗЛОВ, г. Калинин.

Впишите слова по ходу часовой стрелки вокруг каждой цифры. Начинать слово надо в клетке, помеченной стрелкой, идущей от цифры.

1. Выдающийся советский физик.
2. Убежден, привлечение в работе.
3. Научно-исследовательское учреждение.
4. Поэт, предприниматель А. С. Пушкина.
5. Русский художник-передвижник.
6. Астрономический прибор для наблюдения солнечных затмений.
7. Автор памятника первопечатнику Ивану Федорову в Рязани.
8. Организатор «Северного флота русских рабочих».
9. Электронная лампа.
10. Один из руководителей Севастопольской обороны в 1854 году.
11. Таежный зверь.
12. Теоретический работник в области изобразительного искусства.
13. Советский химик, академик.
14. Специалист, изучающий материальную и духовную культуру народов.
15. Русский полководец XVIII века.
16. Остров Малайского архипелага, принадлежащий Индонезии.
17. Русская зо-

18. Обезболивающий препарат.
19. Героиня романа А. Н. Толстого.
20. Озеро на юге Швеции.
21. Древнерусская шапка.
22. Раздел физики или химии.
23. Санциловая рыба.
24. Героиня кинофильма «Летят журавли».
25. Ягодное растение.
26. Рассказ И. С. Тургенева.
27. Духовый музыкальный инструмент.
28. Морской стальной суд.
29. Промышленный город в Донбассе.
30. Ценная кормовая культура.
31. Гидравлический датчик для проверки нефтяных скважин.
32. Советский писатель, драматург.
33. Минерал, применяемый в фарфоровом производстве.
34. Советский сатирический журнал.
35. Лабораторный сосуд.
36. Русский порт, революционный демократ.
37. Спортивная организация.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

1. Суматра.
2. Герасимов.
3. Вийси.
4. Виллоу.
5. Панет.
7. Радон.
8. Тигель.
20. Ситник.
21. Стартер.
22. Вегония.
23. Эпиграма.
24. Алуагуа.
25. Стекло.
26. Борном.
27. Тополь.
30. Рампа.
32. Домра.
34. Скриб.
35. Зонариев.
36. Нербель.

По вертикали:

1. Кубрик.
2. Ингула.
3. Крымов.
5. Вихрь.
7. Иоанс.
9. Синус.
11. Индер.
12. Степанов.
13. Петрович.
14. Бизерта.
16. Траверз.
17. Ротатор.
18. Гиталов.
24. Ампер.
25. Айман.
27. Отрог.
28. Барий.
31. Душанбе.
33. Апогей.
34. Сакман.

БУДУЩИЙ ЧЕМПИОН.

Фото В. КУЛАКОВА.